

СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Т. 21, № 1

Vol. 21, no. 1

16+

2023

СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Учредитель – Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южный федеральный университет»

Главный редактор – академик РАО, д. биол. наук, профессор Ермаков П. Н. (ЮФУ, Ростов-на-Дону, РФ)

Редакционный совет

д. пс. наук, профессор Акопов Г. В. (СГСПУ, Самара)

академик РАО, д. пс. наук, профессор Асмолов А. Г. (МГУ, Москва)

д. пс. наук, профессор Аллахвердов В. М. (СПбГУ, Санкт-Петербург)

академик РАО, д. пс. наук, профессор Бондырева С. К. (МПСУ, Москва)

д. пс. наук, профессор Знаков В. В. (МГУ, Москва)

член-корреспондент РАО, д. пс. наук, профессор Карпов А. В. (ЯрГУ, Ярославль)

академик РАО, д. пед. наук, профессор Малюфеев Н. Н. (ИКП РАО, Москва)

д. пс. наук, профессор Марьин М. И. (МГППУ, Москва)

академик РАО, д. пс. наук, профессор Рубцов В. В. (МГППУ, Москва)

академик РАО, д. пс. наук, профессор Реан А. А. (Высшая школа экономики, Москва)

д. пс. наук, профессор Рыбников В. Ю. (ФГБУ ВЦЭРМ, Санкт-Петербург)

д. пс. наук, профессор Тхостов А. Ш. (МГУ, Москва)

д. пс. наук, профессор Черноризов А. М. (МГУ, Москва)

академик РАО, д. пс. наук, профессор Шадриков В. Д. (ЯрГУ, Ярославль)

Редакционная коллегия

член-корр. РАО, д. пс. наук, Абакумова И. В. (ДГТУ, Ростов-на-Дону)

д. биол. наук, Бабенко В. В. (ЮФУ, Ростов-на-Дону)

д. пс. наук, Белоусова А. К. (ДГТУ, Ростов-на-Дону)

д. пс. наук, Воробьева Е. В. (ДГТУ, Ростов-на-Дону)

д. пс. наук, Джанерьян С. Т. (ЮФУ, Ростов-на-Дону)

канд. пс. наук, Дикая Л. А. (ЮФУ, Ростов-на-Дону)

д. пс. наук, Кагермазова Л. Ц. (КБГУ, Нальчик)

д. пс. наук, Лабунская В. А. (ЮФУ, Ростов-на-Дону)

д. пс. наук, Осипова А. А. (ЮФУ, Ростов-на-Дону)

д. пс. наук, Рюмшина Л. И. (ЮФУ, Ростов-на-Дону)

д. пс. наук, Сидоренков А. В. (ЮФУ, Ростов-на-Дону)

д. пед. наук, Скуратовская М. Л. (ДГТУ, Ростов-на-Дону)

д. пед. наук, Федотова О. Д. (ДГТУ, Ростов-на-Дону)

д. пс. наук, Щербакова Т. Н. (ГБУ ДПО РО РИПК и ППРО, Ростов-на-Дону)

Ответственный секретарь – Ребенков В. В.

Технический редактор – Проненко Е. А.

Адрес редакции:

344006, Российская Федерация,
г. Ростов-на-Дону,

ул. Пушкинская, д. 140, ком. 114

E-mail: psyvestnc@gmail.com

Адрес издателя:

129366, Российская Федерация,
г. Москва, ул. Ярославская, д. 13

Тел./факс: (495) 283-55-30

E-mail: izd.kredo@gmail.com

Адрес типографии:

344006, Российская Федерация,
г. Ростов-на-Дону, ул. Metallургическая 102/2, корпус «ИЛК»,

офис 305, E-mail: k@os-pr.ru

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) от 25 сентября 2009 г.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-37683

Подписано в печать: 20.03.2023

Дата выхода в свет: 30.03.2023

Формат 62x94/16. Бумага офсетная.

Гарнитура Myriad Pro.

Печать цифровая.

Тираж 100 экз.

Цена свободная. 16+

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

Светлана В. Колобова, Елена Г. Ичитовкина

Исследование факторов риска, способствующих нарушению психологической безопасности у мирного населения прифронтовых территорий 5

Анастасия О. Баль

Взаимосвязь расстройств пищевого поведения и самооценки студентов в период обучения 16

Мария В. Созинова, Милена А. Чан-Сян

Цифровая идентичность: взаимосвязь смысложизненных ориентаций и содержания личного профиля пользователя социальной сети 24

Нина В. Смирнова

Мотивация студентов-психологов: роль контента масс медиа-психологов в ее формировании 39

Анастасия С. Бордоносенко

Стратегии преодоления трудных жизненных ситуаций у мужчин и женщин с алкогольной зависимостью 49

Валерия В. Ребенок

Обзор исследований Эго-состояний в контексте структурного и транзакционного анализа Эрика Берна 58

ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ

Константин А. Гапченко

Различия в событийно-связанных потенциалах при правильном и ошибочном восприятии эмоционально-окрашенных сцен..... 71

CONTENTS

GENERAL PSYCHOLOGY, PERSONALITY PSYCHOLOGY

Svetlana V. Kolobova, Elena G. Ichitovkina

Investigation of Risk Factors Contributing to the Violation of Psychological Security Among the Civilian Population of Frontline Territories 5

Anastasia O. Bal

The Relationship of Food Disorders and Self-Assessment in Students During the Period of Education 16

Maria V. Sozinova, Milena A. Chang-Xiang

Digital Identity: the Interconnection Between Meaning-Life Orientations and the Content of a Personal Social Network Profile 24

Nina V. Smirnova

Motivation of Psychology Students: the Role of the Accumulation of Media Psychologists in its Fruits 39

Anastasia S. Bordonosenko

Strategies for Overcoming Difficult Life Situations by Men and Women With Alcohol Addiction 49

Valeria V. Rebenok

The Review of Studies Ego-States Based on the Structural and Transactional Analysis by Eric Berne 58

PSYCHOPHYSIOLOGY

Konstantin A. Gapchenko

Differences in Event-Related Potentials in the Correct and Erroneous Perception of Emotional Scenes..... 71

Научная статья

УДК 159.99

<https://doi.org/10.21702/ncpb.2023.1.1>

Исследование факторов риска, способствующих нарушению психологической безопасности у мирного населения прифронтовых территорий

Светлана В. Колобова^{1*} , Елена Г. Ичитовкина²

¹Московский гуманитарный университет, г. Москва, Российская Федерация

²Управление медицинского обеспечения Департамента по материально-техническому и медицинскому обеспечению МВД России, г. Москва, Российская Федерация

* Почта ответственного автора: prgaga@mail.ru

Аннотация

Актуальность данной работы заключается в том, что в ситуации вооруженного конфликта жители прифронтовых территорий оказываются в положении политической нестабильности, что несет угрозу нарушения их психологической безопасности, которая, в свою очередь, может повлечь состояние стресса и нарушение всех аспектов здоровья личности. В данной работе под психологической безопасностью мы понимаем состояние личности, имеющее личностный и ситуативный уровень проявления, формирование которого обусловлено развитием человека в онтогенезе, находится под воздействием факторов внешней среды, внутриличностных паттернов и выраженное в устойчивости, сопротивляемости негативным воздействиям, в эффективности и активности деятельности и восприятии собственной защищенности. В данной статье представлено исследование факторов риска, способствующих нарушению психологической безопасности у мирного населения прифронтовых территорий, а также проведен сравнительный анализ уровня нервно-психической адаптации у жителей регионов, территориально приближенных к зоне ведения боевых действий, и жителей Москвы и Московской области. В результате исследования было выявлено, что у жителей прифронтовых территорий выраженность проблемно-ориентированного копинга, эмоционально-ориентированного копинга, копинга, ориентированного на избегание, существенно выше, чем у жителей Москвы и Московской области. Кроме того, показатели субшкалы «Отвлечение» и «Социальное отвлечение» также значимо выше у мирных жителей, проживающих в близости

ведения боевых действий, учитывая, что уровень нервно-психической адаптации в обеих группах отличается не значимо и соответствует норме. Новизна исследования заключается в том, что впервые исследованы факторы нарушения психологической безопасности мирных жителей, проживающих на территориях, приближенных к зоне ведения специальной военной операции.

Ключевые слова

психологическая безопасность, интенсивный стресс, ведение боевых действий, копинг-стратегии, жители прифронтовых территорий

Для цитирования

Колобова С.В., Ичитовкина Е.Г. (2023). Исследование факторов риска, способствующих нарушению психологической безопасности у мирного населения прифронтовых территорий. Северо-Кавказский психологический вестник, 21(1), 5–15. <https://doi.org/10.21702/ncpb.2023.1.1>

Investigation of risk factors contributing to the violation of psychological security among the civilian population of frontline territories

Svetlana V. Kolobova^{1*} , Elena G. Ichitovkina²

¹Moscow University of the Humanities, Moscow, Russia

²Department of Medical Support of the Department of Material, Technical and Medical Support of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia

*E-mail: prgaga@mail.ru

Abstract

The relevance of this work lies in the fact that in a situation of armed conflict, residents of frontline territories find themselves in a situation of political instability, which threatens to violate their psychological security, which, in turn, can lead to a state of stress and violation of all aspects of personal health. In this paper, by psychological security we mean a state of personality that has a personal and situational level of manifestation, the formation of which is due to the development of a person in ontogenesis, is influenced by environmental factors, intrapersonal patterns and expressed in stability, resistance to negative influences,

in the effectiveness and activity of activities and the perception of self-protection. This article presents a study of risk factors contributing to the violation of psychological security among the civilian population of frontline territories, as well as a comparative analysis of the level of neuropsychic adaptation among residents of regions geographically close to the combat zone, and residents of Moscow and the Moscow region. As a result of the study, it was revealed that the severity of problem-oriented coping, emotionally-oriented coping, avoidance-oriented coping is significantly higher among residents of the frontline territories than among residents of Moscow and the Moscow region. In addition, the indicators of the "Distraction" and "Social Distraction" subscales are also significantly higher among civilians living in the vicinity of combat operations. Disputing the fact that the level of neuropsychiatric adaptation in both groups does not differ significantly and corresponds to the norm. The novelty of the study lies in the fact that for the first time the factors of violation of the psychological security of civilians living in territories close to the zone of conducting a special military operation were investigated.

Keywords

psychological security, intense stress, warfare, coping strategies, residents of frontline territories

For citation

Kolobova S.V., Ichitovkina E.G. (2023). Investigation of risk factors contributing to the violation of psychological security among the civilian population of frontline territories. *North-Caucasian Psychological Bulletin*, 21(1), 5–15. (in Russ.). <https://doi.org/10.21702/ncpb.2023.1.1>

Введение

Проблема безопасности человека становится в настоящее время все более актуальной и широко обсуждаемой в различных отраслях и сферах научного знания. В исследованиях отмечается, что чувство безопасности позволяет человеку создать зону, где он может почувствовать себя защищенным и в состоянии психологического комфорта. В настоящее время психологию безопасности личности можно представить как довольно устойчивую систему научных разработок, в которых центральными понятиями выступают «безопасность» и «психологическая безопасность» личности.

Анализ научных психологических работ показывает, что понятие психологической безопасности рассматривается исследователями с разных позиций и точек зрения и не имеет единой трактовки.

Одну из полных концепций психологической безопасности предложил А. Маслоу, который в своей теории иерархии потребностей определил потребность в безопасности как одну из базовых потребностей личности. Невозможность в детстве удовлетворить эту потребность приводит к тому, что у человека может развиться чувства тревоги, напряжения, проявляться постоянное ощущение угрозы и вреда (Edmondson, 1999), который может быть нанесен ему от объектов внешнего мира. с целью таких людей характерно проявление психологической установки о небезопасности мира (Маслоу, 2011).

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

Рассматривая психологическую безопасность как чувство психически здоровой личности, Р. Янов-Булман выделяет три ведущие установки, характеризующие его: уверенность человека в собственной ценности, ценности своего «Я»; убеждение, что мир наполнен различными смыслами, вера в то, что мир безопасен и добр, а не несет угрозу и зло. Исследователь подчеркивает, что эти убеждения закладываются в детстве и наполнены субъективными смыслами, отражающими психологическое благополучие и устойчивость личности, восприятие человеком успешности своей жизнедеятельности в разных ее сферах. При высоком уровне психологической безопасности проявляется готовность к личностному развитию и росту индивида (Janoff-Bulman, 1996).

Кроме того, в зарубежной психологической науке психология безопасности рассматривается в рамках исследований (Зотова, 2016):

- организационной психологии, в которой данное понятие рассматривается как установка личности на то, что общество, в котором он живет, безопасно с целью межличностного общения.

- психологии окружающей среды, в которой подчеркивается, что в условиях враждебной, небезопасной, конфликтной и т.д. окружающей человека среды, у него отсутствует доверие, спокойствие, уверенность, психологическая безопасность, но проявляется выраженность таких чувств как бессилие, депрессия, тревожность, замкнутость и т.д. (Elliot, 2000);

- социальной психологии, в которой психологическая безопасность рассматривается как совокупность представлений личности о разных объектах, в отношении которых человек чувствует свою уверенность или неуверенность, т.е. как чувство беспокойства/незащищенности или спокойствия/защиты.

- социально-конструктивистского подхода, где психологическая безопасность рассматривается в качестве результат социально-политического воздействия на субъекта, в котором актуальными становятся культурные традиции, социальные нормы и ценности, коллективная идентичность как детерминанты устойчивости личности (Закс & Перельгина, 2012).

- субъективистских теориях, в которых психологическая безопасность рассматривается в контексте оценок индивидуальных и групповых отличий, влияющих на особенности восприятия личностью собственной защищенности.

- факторных теориях, где в качестве одной из основных проблем современного общества отмечают рост риска (экологического, военного, экономического, социального и т.д.), вызванного технологическими факторами.

Таким образом, в психологии психологическая безопасность личности рассматривается как чувство защищенности, уверенности в себе, состояние, формирование и закрепление которого обусловлено особенностями воспитания ребенка в детстве, наличием эмоционального контакта с родителями, выраженностью влияния демографических, социально-экономических, организационных и других факторов на субъекта.

В других исследованиях психологическая безопасность как свойство личности изучается как толерантность субъекта к влиянию этих внешних факторов, как способ совладающего, защитного поведения (Беляева, 2012).

Так, в субъектном анализе понятия психологической безопасности рассматривается как защищенность человека, сохранение целостности и возможности личностного развития (Решетина, Смолян, 1996), как личностная характеристика, которая отличается устойчивостью направленности на развитие.

Таким образом, в этих и других работах психологическая безопасность это результат внешнего воздействия на личность. Эпидемии, техногенные катастрофы, природные катаклизмы, социально-экономическая нестабильность в обществе, военные конфликты и другие факторы влияют на формирование чувства психологической незащищенности.

Эмоциональная устойчивость, способность к саморегуляции поведения, копинг-стратегии и другие личностно-характерологические, когнитивные и поведенческие особенности учитываются в изучении психологической безопасности как результата воздействия на человека внешних средовых факторов. То есть психологическая безопасность предстает как ситуативная характеристика личности (Зинченко, 2011).

Таким образом, психологическая безопасность рассматривается сегодня в научной литературе как:

- чувство защищенности от угроз и рисков внешнего мира;
- способность субъекта сохранять при негативном влиянии различных факторов свои основные характеристики (Siemsen et al., 2009);
- процесс, который может поддаваться психокоррекционному воздействию;
- свойство личности;
- состояние сохранности психики субъекта;
- «устойчивое развитие и нормальное функционирование человека во взаимодействии со средой (умение защититься от угроз и умение создавать психологически безопасные отношения)» (Бубнова и Куликова, 2015);
- возможность удовлетворения своих базовых потребностей, предотвращать и устранять угрозы;
- восприятие субъектом адекватности и надежности среды;
- состояние, которое позволяет обеспечить базовую потребность личности в защищенности, состояние в котором человеку не может быть нанесен существенный ущерб.

Кроме того, исследователи отмечают, что психологическая безопасность личности включает в себя (Бухаров, 2020; Афонькина, 2013; Roumate, 2020):

- физическую безопасность (состояние защищенности жизненно важных интересов субъекта, здоровье человека);
- экологическую безопасность (оценка влияния экологических условий проживания на здоровье личности; сформированность экологических материально-духовных ценностей, обеспечивающих культуру экологически безопасного поведения субъекта);
- военную безопасность (чувство защищенности субъекта, которая отражает его представления о территориальной целостности государства, в котором он проживает; защищенности госграниц; осознание, что военные и полицейские силы готовы обеспечить безопасность проживания человека на определенной территории и т.д.);
- демографическую безопасность (присутствие людских ресурсов на территории проживания);
- информационную безопасность (защищенность от приносящей вред информации и обеспечение защиты информации о самом субъекте, способность личности находить и использовать безопасную информацию и т.д.);

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

– экономическую безопасность (оценка финансового благополучия личности, наличие средств, позволяющих удовлетворить основные потребности субъекта, что влияет на состояние психологической безопасности);

– социальную безопасность (социальная уверенность и стабильность индивида влияет на его включенность в жизнь общества, на мотивацию работать на благо своей страны, общества, организации и т.д.; повышает мобильность, уверенность субъекта и т.д.);

– политическую безопасность (политическая ситуация в мире, стране, месте проживания индивида, чувство защищенности от агрессивного, негативного воздействия социальных институтов (экстремистских партий, радикальных религиозных и националистических движений и т.д.), что влияет на формирование у него ощущения стабильности, уверенности в будущем и т.д.).

В нашем исследовании под психологической безопасностью мы будем понимать состояние личности, имеющее личностный и ситуативный уровень проявления, формирование которого обусловлено развитием человека в онтогенезе, находится под воздействием факторов внешней среды, внутриличностных паттернов и выраженное в устойчивости, сопротивляемости негативным воздействиям, в эффективности и активности деятельности и восприятии собственной защищенности.

Психологическая безопасность на личностном уровне отражает особенности восприятия окружающего мира и людей индивидом, его оценку реальных и мнимых угроз, его установки, мотивацию и другие паттерны, определяющие содержание деятельности человека.

Тарабрина Н. В., Харламенкова Н. Е., Падун М. А., Хажуев И. С., Казымова Н. Н., Быховец Ю. В., Дан М. В. говорят, что нарушение психологической безопасности человека зачастую происходит в ситуации переживания стресса. Причем воздействие стресса, нарушающего психологическую безопасность, должно быть весьма интенсивным, выходящим за рамки привычного состояния нервно-психической напряженности. Такой стресс имеет характеристику «интенсивный». Интенсивный стресс представляет собой реакцию человека на стрессоры высокой силы. Такими стрессорами могут быть, в первую очередь, экстремальные жизненные события, в частности, боевые действия (участие в них или непосредственная близость к ведению боев) (Тарабрина и др., 2017).

Цель исследования: изучить факторы риска, способствующие нарушению психологической безопасности у мирного населения прифронтовых территорий в период проведения СВО.

Гипотезы исследования:

1) Проживание на прифронтовых территориях является фактором нарушения психологической безопасности мирных жителей;

2) У мирных жителей прифронтовых территорий более выражены копинг-стратегии, чем у жителей Москвы и Московской области, в связи с более интенсивным стрессовым воздействием.

Методы

В рамках проведения исследования применялись теоретические методы (анализ литературных источников), эмпирические (тестирование) и методы математико-статистической обработки (параметрический Т-критерий Стьюдента).

Методики исследования:

- Методика «Копинг-поведение в стрессовых ситуациях» (адаптированный вариант методики Н.С. Эндлера, Д.А. Паркера);
- Методика «Тест нервно-психической адаптации» И. Н. Гурвич.

Выборка исследования составила 50 человек, проживающих в регионах, прифронтовых к зоне боевых действий (Курская, Брянская, Воронежская, Белгородская области) и 50 человек, проживающих в Москве и Московской области. Возраст обследуемых от 25 до 50 лет.

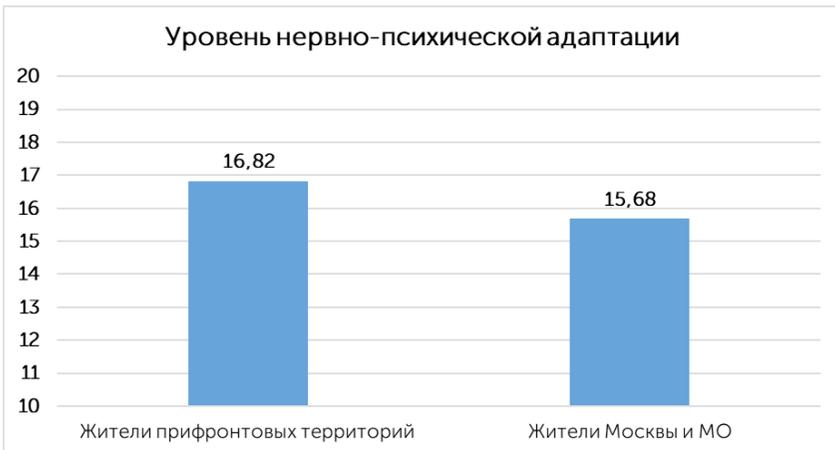
Результаты

В рамках данной статьи исследован уровень нервно-психической адаптации жителей прифронтовых территорий, Москвы и Московской области; проведен сравнительный анализ. Также исследованы преобладающие копинг-стратегии у жителей прифронтовых территорий, Москвы и Московской области.

Результаты исследования уровня нервно-психической напряженности мирного населения представлены ниже (рис. 1).

Рисунок 1.

Результаты исследования уровня нервно-психической напряженности мирного населения

Таким образом, результаты исследования уровня нервно-психической напряженности мирного населения, проживающего в прифронтовых территориях, выявили средний показатель напряженности 16,82, что соответствует второй группе психического здоровья, в настоящее время выделенных в военной психиатрии. Данный показатель свидетельствует, что мирные жители, проживающие в прифронтовых

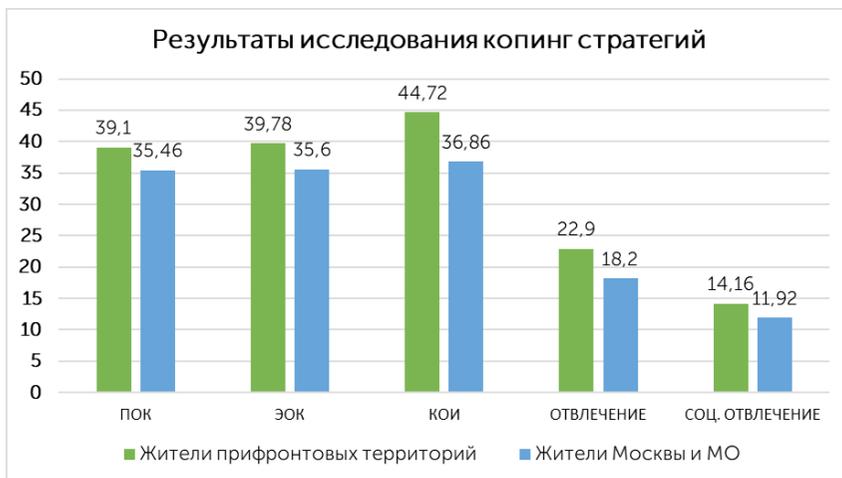
ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

территориях, являются, согласно критериям данной методики, «практически здоровыми» с благоприятными прогностическими признаками. Результаты исследования уровня нервно-психической напряженности жителей Москвы и Московской области, выявили средний показатель напряженности 15,68, что также соответствует второй группе психического здоровья, в настоящее время выделенных в военной психиатрии. В результате сравнительного анализа статистически значимых различий получено не было ($t_{эмп} = 1,011$, при $t_{крит} = 1,661$).

Ниже представлены результаты исследования преобладающих копинг-стратегий в стрессовых ситуациях у мирных жителей прифронтовых территорий и территории Москвы и Московской области (рис.2).

Рисунок 2

Результаты исследования преобладающих копинг стратегий в стрессовых ситуациях у мирных жителей прифронтовых территорий и территории Москвы и Московской области

Результаты исследования преобладающих копинг-стратегий в стрессовых ситуациях показали, что проблемно-ориентированный копинг (ПОК) более выражен у жителей прифронтовых территорий (среднее значение 39,1), чем у жителей Москвы и Московской области (среднее значение 35,46). Результаты сравнительного анализа выявили статистически значимые различия в преобладании проблемно-ориентированного копинга ($t_{эмп} = 3,433$, при $p \leq 0,001$), из чего можно сделать вывод, что в стрессовых ситуациях жителям прифронтовых территорий более свойственно, чем жителям Москвы и Московской области ориентироваться на поиск решения проблемы и выхода из сложившегося положения.

Также было выявлено, что жителям прифронтовых территорий более свойственно проявление копинга, ориентированного на эмоции (ЭОК) (среднее значение 39,78), чем жителям Москвы и Московской области (среднее значение 35,6). Данное различие является статистически значимым ($t_{эмп} = 3,968$, при $p \leq 0,001$).

Относительно копинга, ориентированного на избегание (КОИ), выявлено следующее: жителям прифронтовых территорий более свойственно проявление копинга, ориентированного на избегание (среднее значение 44,72), чем жителям Москвы и Московской области (среднее значение 36,86). Данное различие является статистически значимым ($t_{эмп} = 7,282$, при $p \leq 0,001$).

Кроме того, было выявлено, что такие копинг стратегии, как отвлечение и социальное отвлечение также существенно более выражены у жителей прифронтовых территорий, чем у жителей Москвы и Московской области. В результате сравнительного анализа показателей копинга «отвлечение» выявлены статистически значимые различия ($t_{эмп} = 5,411$, при $p \leq 0,001$), также, как и в результате сравнительного анализа копинга «социальное отвлечение» ($t_{эмп} = 3,880$, при $p \leq 0,001$).

Обсуждение результатов

Таким образом, можно сделать вывод, что все исследуемые в данной работе копинг-стратегии статистически значимо более выражены у жителей прифронтовых областей, таких как: Курская, Брянская, Воронежская, Белгородская области, чем у жителей Москвы и Московской области, находящихся в относительном отдалении от боевых действий. Можно предположить обусловленность полученных результатов тем, что на мирных жителей в прифронтовых территориях (областях, находящихся в непосредственной близости к зоне боевых действий) более интенсивно воздействуют стрессовые факторы, связанные с проведением боевых операций, и, соответственно, мирные жители прифронтовых территорий более активно используют копинг-стратегии с целью стабилизации психического состояния и адаптации к стрессовой ситуации.

Литература

- Афонькина, А. Ю. (2013). *Психологическая безопасность ребенка раннего возраста. Современные технологии. Программа адаптации. Диагностические методики. Игровой материал*. Волгоград: Учитель.
- Беляева, П. И. (2012). Психологическая безопасность личности младшего школьника и образовательная среда. *Психология обучения*, 113–121.
- Бубнова О. В., Куликова О. В. (2015). Психологическая безопасность личности как условие социальной адаптации молодых специалистов. *Современные проблемы науки и образования*, 1(1).
- Бухаров, Д. С. (2020). Теоретический анализ подходов понятия "психологической безопасности", как фактора психологической безопасности личности в современной психологической литературе. В Д. С. Бухаров (ред.) *Научные труды магистрантов и аспирантов: Сб. науч. тр. (С. 73–76)*. Нижневартовск: Нижневартовский государственный университет.
- Закс, Л. А., & Перельгина, Е. Б. (2012). Человек в условиях комплексных угроз личной безопасности. *Наука и современность*, 18, 142–147.
- Зинченко, Ю. П. (2011). Психология безопасности как социально-системное явление. *Вестник Московского университета*, 4, 4–11.
- Зотова, О. Ю. (2016). Теоретический обзор современных концепций психологической безопасности. *Ярославский педагогический вестник*, (6), 247–253.
- Тарабрина, Н. В., Харламенкова, Н. Е., Падун, М. А., Хажуев, И.С., Казымова, Н.Н., Быховец, Ю.В., Дан, М.В.. (2017). *Интенсивный стресс в контексте психологической безопас-*

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

ности. Социокультурные аспекты национальной безопасности. Москва: Институт психологии РАН.

Маслоу, А. (2011). *Мотивация и личность*. Санкт-Петербург: Питер.

Решетина, С. Ю., & Смолян, Г. Л. (1996). *Информационно-психологическая безопасность личности (контуры проблемы)*. Институт психологии РАН, 16–28.

Edmondson, A. C. (1999). Psychological safety and learning behavior in work teams. *Administrative Science Quarterly*, 44(2), 350–383.

Elliott, M. (2000). The stress process in neighborhood context. *Health & Place*, 6(4), 287–299.

Janoff-Bulman, R. (1996). *Measurement of Stress, Trauma and Adaptation*. Lutherville, MD: Sidran Press.

Roumate, F. (2020). Mechanisms of advanced international psychological security in the age of artificial intelligence. *Communications. Media. Design*, 5(1), 143–156.

Siemsen, E., Roth, A. V., Balasubramanian, S., Anand, G. (2009). *The Influence of Psychological Safety and Confidence in Knowledge on Employee Knowledge Sharing*. *Manuf. Serv. Oper. Manag.*, 11(3), 429–447.

References

Afonkina, A. Yu. (2013). *Psychological safety of a young child. Modern technologies. Adaptation program. Diagnostic techniques. Game material*. Volgograd: Teacher.

Belyaeva, P. I. (2012). Psychological security of the younger student's personality and the educational environment. *Psychology of learning*, 113–121.

Bubnova O.V., Kulikova O.V. (2015). Psychological security of the individual as a condition of social adaptation of young professionals. *Modern Problems of Science and Education*, 1(1).

Bukharov, D. S. (2020). Theoretical analysis of approaches to the concept of "psychological security" as a factor of psychological security of the individual in modern psychological literature. In D. S. Bukharov (ed.) *Scientific works of undergraduates and postgraduates: Collection of scientific works*. (pp. 73-76). Nizhnevartovsk: Nizhnevartovsk State University.

Edmondson, A. C. (1999). Psychological safety and learning behavior in work teams. *Administrative Science Quarterly*, 44(2), 350–383.

Elliott, M. (2000). The stress process in neighborhood context. *Health & Place*, 6(4), 287–299.

Tarabrina, N. V., Kharlamenkova, N. E., Padun, M. A., Khazhuev, I.S., Kazymova, N.N., Bykhovets, Yu.V., Dan, M.V., Kharlamenkova, N.E. (2017). *Intense stress in the context of psychological security. Socio-cultural aspects of national security*. Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences.

Janoff-Bulman, R. (1996). *Measurement of Stress, Trauma and Adaptation*. Lutherville, MD: Sidran Press.

Maslow, A. (2011). *Motivation and personality*. St. Petersburg: Peter.

Reshetina, S. Yu., & Smolyan, G. L. (1996). *Information and psychological security of the individual (contours of the problem)*. Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, 16–28.

Roumate, F. (2020). Mechanisms of advanced international psychological security in the age of artificial intelligence. *Communications. Media. Design*, 5(1), 143–156.

Siemsen, E., Roth, A. V., Balasubramanian, S., Anand, G. (2009). *The Influence of Psychological Safety and Confidence in Knowledge on Employee Knowledge Sharing*. *Manuf. Serv. Oper. Manag.*, 11(3), 429–447.

Zaks, L. A., & Pereyagina, E. B. (2012). A person in conditions of complex threats to personal security. *Science and Modernity*, 18, 142–147.

Zinchenko, Yu. P. (2011). Psychology of security as a socio-systemic phenomenon. *Bulletin of Moscow University*, 4, 4–11.

Zotova, O. Yu. (2016). Theoretical review of modern concepts of psychological security. *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, 6, 247–253.

Информация о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

Взаимосвязь расстройств пищевого поведения и самооценки студентов в период обучения

Анастасия О. Баль^{1*}

¹ Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону,
Российская Федерация

* Почта ответственного автора: apoliako@sfedu.ru

Аннотация

В статье автор рассматривает проблему психологической характеристики молодых людей с расстройствами пищевого поведения, которая на сегодняшний день набирает все большую актуальность, что обосновывается во введении. Одной из причин может являться транслируемое в СМИ стройное тело как эталон красоты. Вследствие популяризации идеи худобы уровень смертности у молодых людей с расстройствами пищевого поведения значительно выше, чем среди людей с другими психическими расстройствами. В статье рассматривается взаимосвязь самооценки, личностных характеристик и расстройств пищевого поведения. Также изучаются факторы, влияющие на формирование самооценки, как у девушек, так и у юношей. Автор представил новый взгляд на проблему расстройств пищевого поведения, который заключается в комплексном рассмотрении факторов, одним из которых является экзаменационная сессия. Целью работы является анализ расстройств пищевого поведения и самооценки у студентов в период экзаменационной сессии. В теоретическом обосновании представлен анализ современных исследований расстройств пищевого поведения как зарубежных, так и российских авторов. Анализ позволяет заключить, что на сегодняшний день нет комплексного психологического портрета молодых людей с расстройствами пищевого поведения. Но были выявлены факторы, которые оказывают значительное влияние на расстройства пищевого поведения студентов. В результате теоретического обзора были выявлены следующие компоненты, которые влияют на развитие расстройств пищевого поведения: низкая самооценка, личностные характеристики, в том числе перфекционизм, а также экзаменационная сессия. Результаты теоретического обзора могут быть использованы для расширения специфики исследований в вопросах личностных особенностей, влияющих на возникновение расстройств пищевого поведения.

Ключевые слова

самооценка, расстройства пищевого поведения, студенческий возраст, личностные характеристики, перфекционизм, экзаменационная сессия

Для цитирования

Баль, А. О. (2023). Взаимосвязь расстройств пищевого поведения и самооценки студентов в период обучения. *Северо-Кавказский психологический вестник*, 21(1), 16–23, <https://doi.org/10.21702/ncpb.2023.1.2>

The relationship of food disorders and self-assessment in students during the period of education

Anastasia O. Bal¹

¹ Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation

*E-mail: apoliako@sfedu.ru

Abstract

The author of the article considers the problem of the psychological characteristics of young people with eating disorders, which is gaining more and more relevance today, which is justified in the introduction. One of the reasons may be the slender body broadcast in the media as a standard of beauty. Due to the popularization of the idea of thinness, the mortality rate in young people with eating disorders is significantly higher than among people with other mental disorders. The article deals with the relationship between self-esteem, personality characteristics and eating disorders. The factors influencing the formation of self-esteem, both in girls and in boys, are also being studied. The author presented a new view on the problem of eating disorders, which consists in a comprehensive consideration of factors, one of which is the examination session. The aim of the work is to analyze eating disorders and self-esteem among students during the examination session. The theoretical substantiation presents an analysis of modern studies of eating disorders by both foreign and Russian authors. The analysis allows us to conclude that today there is no comprehensive psychological portrait of young people with eating disorders. But factors have been identified that have a significant impact on students' eating disorders. As a result of the analytical review, the following components were identified that influence the development of eating disorders: low self-esteem, personality characteristics, including perfectionism and an examination session. The results of the theoretical review can be used to expand the specifics of research on personality traits that influence the occurrence of eating disorders. The results of the theoretical review can be used to expand the specifics of research on eating disorders.

Keywords

self-esteem, eating disorders, college age, personality characteristics, perfectionism, examination session

For citation

Bal A. O. (2023). The relationship of food disorders and self-assessment in students during the period of education. *North-Caucasian Psychological Bulletin*, 21(1), 16–23. (in Russ.). <https://doi.org/10.21702/ncpb.2023.1.2>

Введение

Актуальность проблемы исследований пищевого поведения обусловлена значительными темпами роста данного явления среди молодых людей (Hoek & van Hoeken, 2003), а также высокой смертностью (Малкина-Пых, 2007).

В настоящее время эстетические соображения смещаются в сторону привлекательной стройности, что привело к росту заболеваемости РПП. Эта группа расстройств связана с поведением и отношением к еде, основанная на серьезных расстройствах, классифицируемых как нервная анорексия, нервная булимия и атипичные расстройства пищевого поведения (Барыльник и др., 2016).

Интерес к расстройствам пищевого поведения появился относительно недавно в конце XX века (Simpson, Al-Mufti, Andersen, & DePaulo, 1992). Между тем, за последние 2 года количество диагностируемых случаев увеличилось в 2 раза.

К вопросу пищевого поведения необходимо подходить комплексно, т.е. рассматривать генетический, психологический, а также социальный аспект.

Во время обучения самым главным становится взгляд общества на молодых людей, поэтому для них очень важен внешний вид, и у них более строгие требования к себе. Кроме того, Т. В. Драгунова в своей работе указывает, что студенты часто не различают ложные и настоящие недостатки внешности. В результате у студентов формируются нереалистичные представления о своей внешности. Внешний вид имеет решающее значение для жизни студентов, часто они считают, что от внешности зависит их статус в обществе, что приводит к развитию страхов по поводу своей внешности (Иванов & Хохрина, 2019).

Можно сказать, что социальное восприятие в студенческом возрасте становится очень важным, в связи с чем они предъявляют высокие требования к своему имиджу (Белогай, 2018).

Исследования, изучающие связь между личностью и симптоматикой расстройств пищевого поведения, увеличились за последнее десятилетие, но еще многое предстоит изучить. В литературе, посвященной личности и РПП, все еще имеется множество корреляционных перекрестных исследований, что затрудняет выводы об этиологической значимости личности (Пономарева, 2019).

Теоретическое обоснование

Студенты, у которых сформирована заниженная самооценка, наиболее склонны к развитию расстройств пищевого поведения

В современном мире, благодаря социальным сетям, пропагандируется идея улучшения внешнего вида самими разными способами. Один из них – это ограничительный тип пищевого поведения, характеризующийся применением изнурительных диет, выбором только низкокалорийных продуктов питания, соблюдением строгого режима питания. Такой тип пищевого поведения несет угрозу психологическому благополучию молодых людей, что может проявляться в нарушении образа тела. (Коннер & Армитейдж, 2012)

Основной причиной расстройств пищевого поведения является чрезмерная сосредоточенность на своей внешности, что сказывается на понижении самооценки молодых людей и тревоге о наборе веса (Witztum, Latzer & Stein, 2008). Полноценная работа организма нарушается, что может проявляться в таких факторах, как: аменорея, проблемы с пищеварением, аритмия, нарушение терморегуляции (Малкина-Пых, 2007).

Студенты с низкой самооценкой, зачастую считающие, что их образ тела – единственный способ конкурировать в обществе, с наибольшей вероятностью заблевают расстройствами пищевого поведения. Именно молодые люди в большей степени подвержены РПП.

Пищевые нарушения представляют своего рода расстройства, которые могут проявляться в разных формах, таких как: нервная анорексия, нервная булимия, ожирение, психогенное компульсивное переедание и многие другие. Они являются следствием психологических проблем, обусловленных не только физическими факторами, но и эмоциональными или психическими неблагоприятными состояниями. Каждое расстройство имеет свои особенности и симптомы, которые могут носить уникальный характер, но все вместе они отражают одну и ту же проблему – нарушение пищевого поведения, которое может быть вызвано как внутренними, так и внешними факторами. (Лапина, 2017).

А. Н. Дорожевец (1986) провел ряд экспериментов, которые показали, что у больных, страдающих расстройствами пищевого поведения, происходит пластичность самооценки. Такие люди чрезмерно зависят от чужих мнений и желаний и часто чувствуют отсутствие контроля над своей жизнью. Молодые люди, особенно склонные к различным расстройствам пищевого поведения, сильно беспокоятся о том, как их воспринимают окружающие. Таким образом, мы можем заключить, что самооценка и отношение к себе могут оказывать влияние на развитие расстройств пищевого поведения.

Личностные характеристики могут влиять на появление расстройств пищевого поведения

Перфекционизм, по-видимому, играет важную роль в этиологии, поддержании и течении некоторых психопатологических состояний. Он был идентифицирован как специфический фактор риска развития нервной анорексии и нервной булимии. Поэтому расстройства пищевого поведения и перфекционизм неразрывно связаны (Максим, Тарумов & Богдановская, 2023).

Перфекционизм, в свою очередь, сопровождается стремлением к совершенству, высокими требованиями как к себе, так и к окружающим (Холмогорова & Дадеко, 2010).

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

Таким образом, перфекционизм понижает качество жизни, что выражается в эмоциональном напряжении и серьезному отношению к каждой детали в любом деле. Однако, несмотря на это, перфекционисты крайне редко испытывают удовольствие от выполненной работы. Также их особенностью является то, что они достаточно эмоционально воспринимают критику (Кабичева, 2023). По этим причинам лечение перфекционистов сильно затрудняется, например, в случае нервной анорексии они полагают, что недостаточно худые, недостаточно сбросили вес.

Можно сделать вывод о том, что нездоровая заинтересованность идеалами красоты является ключевым фактором подверженности расстройствам пищевого поведения (Скугаревский, 2007).

Экзаменационная сессия является стрессогенным фактором, который способствует увеличению риска расстройств пищевого поведения

Одним из факторов стресса, влияющих на студентов, являются экзамены (Кубекова & Кальчук, 2022). Конечно, на это влияет сильное умственное напряжение и необходимость в сжатые сроки усвоить большой объем информации. Таким образом, нерегулярные периоды работы и отдыха, а также недостаток сна являются причинами стресса. Потеря аппетита, беспокойство, тремор в конечностях, учащенное сердцебиение и бессонница — характерные признаки стресса перед экзаменами. (Малеева, Абрамова & Щукина, 2021)

Студенты в большей или меньшей степени подвержены стрессу в учебном процессе. Большинство студентов страдали от постоянных или частых стрессов, что позволяет предположить, что эти лица более склонны к психическим и неврологическим расстройствам, включая анорексию и булимию. (Михайлова & Штрахова, 2018)

Обсуждение результатов

Проблема расстройств пищевого поведения, которая рассматривается в данной работе, актуальна в современном обществе. Она требует разработки теоретико-методологической базы для исследований, которая поможет практикующим психологам в психокоррекционной работе.

С учетом статистических данных можно сделать вывод о том, что расстройства пищевого поведения охватывают разные возрастные группы, но в большей степени им подвержены молодые люди.

Исследование факторов, влияющих на расстройства пищевого поведения, ведутся уже на протяжении длительного периода, но до сих пор не выявлен комплекс личностных психологических особенностей, влияющих на развитие расстройств пищевого поведения.

Исходя из вышесказанного, теоретический обзор исследований русскоязычных и зарубежных авторов позволяет сделать следующие выводы:

- Низкая самооценка является ключевым фактором, который способствует развитию РПП.
- Согласно многочисленным исследованиям, у больных расстройством пищевого поведения высокий уровень неудовлетворенности телом и стремлением к худобе, а также перфекционизм.
- Экзаменационная сессия, вероятно, может способствовать развитию расстройств пищевого поведения.

Перспективы дальнейшей работы автор видит в изучении комплекса личностных факторов, таких как: эмоциональные характеристики, тревожность, конформность, зависимость от группы, уровень самоконтроля, акцентуации характера и особенности самосознания, которые влияют на развитие расстройств пищевого поведения.

Изучение и актуализация данных положительно повлияет на диагностику, коррекцию, а также способствует эффективности лечения и непосредственно сказывается на качестве жизни.

Литература

- Барыльник Ю. Б., Филиппова Н. В., Деева М. А., & Гусева М. А. (2016). Нервная анорексия и нервная булимия: от истории к современности. *Российский психиатрический журнал*, 3, 36–45.
- Белогай, К. Н. (2018). Социокультурная модель становления образа тела. *Известия Иркутского государственного университета*. Серия: Психология, 25, 14–25.
- Дорожевец, А. Н. (1986). Искажение образа физического Я у больных ожирением и нервной анорексией (кандидатская диссертация). МГУ имени М. В. Ломоносова.
- Иванов Д. В., & Хохрина А. А. (2019). Образ тела у подростков с нарушениями пищевого поведения. *Вестник университета*, 6, 198–204.
- Кабичева, Н. О. (2023). Психологические особенности лиц с расстройствами пищевого поведения: обзор литературы. *Инновационная наука*, (1-1), 87–90.
- Коннер, М., & Армтейдж, К. Дж. (2012). *Социальная психология пищи*. Санкт-Петербург: Гуманитарный центр.
- Кубекова, А. С., & Кальчук, А. В. (2022). Особенности стрессовой реакции и невротизации у студентов в период сессии. *Мир науки. Педагогика и психология*, 10(4), 32.
- Лапина, Ю. (2017). Тело, еда, секс, тревога, что беспокоит современную женщину: Исследование клинического психолога. Санкт-Петербург: АИФ.
- Максим, О. В., Тарумов, Д. А., & Богдановская, А. С. (2023). Психологические предпосылки формирования нарушений пищевого поведения и возможности их коррекции (обзор литературы). *Вестник новых медицинских технологий. Электронное издание*, 17(1), 154–167. doi: 10.24412/2075-4094-2023-1-3-10
- Малеева, М. В., Абрамова, А. Е., & Шукина, Е. В. (2021). Эмоциональный фон студентов в период сессии. *IN SITU*, (4), 36–38.
- Малкина-Пых, И. Г. (2007). *Терапия пищевого поведения*. Справочник практического психолога. Москва: Эксмо.
- Михайлова, А. П., & Штрахова, А. В. (2018). Пищевое поведение в норме, в условиях стресса и при патологии: библиографический обзор. *Психология. Психофизиология*, 11(3), 80–95.
- Пономарева, Л. Г. (2019). Особенности эмоционально-ценностного компонента самосознания у женщин с признаками нарушений пищевого поведения. *Азимут научных исследований: педагогика и психология*, 8(4(29)), 351–354.
- Скугаревский, О. А. (2007). *Нарушения пищевого поведения*. Монография.
- Холмогорова, А. Б., & Дадеко, А. А. (2010). Физический перфекционизм как фактор расстройств аффективного спектра в современной культуре [Электронный ресурс] // *Медицинская психология в России*. № 3. (<http://medpsy.ru>)
- Hoek, H. W., & van Hoeken, D. (2003). Review of the prevalence and incidence of eating disorders. *International Journal of Eating Disorders*, 34(4), 383–396. doi: <https://doi.org/10.1002/eat.10222>

- Simpson, S. G., Al-Mufti, R., Andersen, A. E., & DePaulo, J. R. Jr. (1992). Bipolar II affective disorder in eating disorder inpatients. *The Journal of Nervous and Mental Disease*, 180(11), 719–722. doi: <https://doi.org/10.1097/00005053-199211000-00006>
- Witztum, E., Latzer, Y., & Stein, D. (2008). Anorexia Nervosa and Bulimia Nervosa as Idioms of Distress from the Historical Background to Current Formulations. *International Journal of Child and Adolescent Health*, 5(1), 284–294.

References

- Barylnik Yu. B., Filippova N. V., Deeva M. A., & Guseva M. A. (2016). Anorexia nervosa and bulimia nervosa: from history to the present. *Russian Psychiatric Journal*, 3, 36–45.
- Belogai, K. N. (2018). Socio-cultural model of the formation of the body image. *News of Irkutsk Federal University. Series: Psychology*, 25, 14–25.
- Dorozhevets, A. N. (1986). Distortion of the image of the physical «I» in patients with obesity and anorexia nervosa (Doctoral dissertation). Moscow State University named after M.V. Lomonosov.
- Ivanov D. V., & Khokhrina A. A. (2019). Body image in adolescents with eating disorders. *University Bulletin*, (6), 198–204.
- Kabicheva, N. O. (2023). Psychological characteristics of individuals with eating disorders: a review of the literature. *Innovative Science*, (1-1), 87–90.
- Conner, M., & Armitage, K. J. (2012). *Social psychology of food*. St. Petersburg: Humanitarian Center.
- Kubekova, A. S., & Kalchuk, A. V. (2022). Features of stress reaction and neuroticism among students during the session. *The world of science. Pedagogy and psychology*, 10(4), 32.
- Lapina, Y. (2017). Body, food, sex, anxiety, what worries the modern woman: A study by a clinical psychologist. St. Petersburg: AIF.
- Maksim, O. V., Tarumov, D. A., & Bogdanovskaya A. S. (2023). Psychological prerequisites for the formation of eating disorders and the possibility of their correction (literature review). *Bulletin of new medical technologies. Electronic edition*, 17(1), 154–167. doi: 10.24412/2075-4094-2023-1-3-10
- Maleeva, M. V., Abramova, A. E., & Shchukina, E. V. (2021). Emotional background of students during the session. *IN SITU*, 4, 36–38.
- Malkina-Pykh, I. G. (2007). *Therapy of eating behavior. Handbook of a practical psychologist*. Moscow: Eksmo.
- Mikhailova, A. P., & Shtrakhova, A. V. (2018). Eating behavior in normal, under stress and pathology: a bibliographic review. *Psychology. Psychophysiology*, 11(3), 80–95.
- Ponomareva, L. G. (2019). Features of the emotional-value component of self-consciousness in women with signs of eating disorders. *Research Azimuth: Pedagogy and Psychology*, 8(4(29)), 351–354.
- Skugarevsky, O. A. (2007). *Eating disorders. Monograph*
- Kholmogorova, A. B., & Dadeko, A. A. (2010). Physical perfectionism as a factor of affective spectrum disorders in modern culture [Electronic resource]. *Medical psychology in Russia*. No. 3. (<http://medpsy.ru>)
- Hoek, H. W., & van Hoeken, D. (2003). Review of the prevalence and incidence of eating disorders. *International Journal of Eating Disorders*, 34(4), 383–396. doi: <https://doi.org/10.1002/eat.10222>

- Simpson, S. G., Al-Mufti, R., Andersen, A. E., & DePaulo, J. R. Jr. (1992). Bipolar II affective disorder in eating disorder inpatients. *The Journal of Nervous and Mental Disease*, 180(11), 719–722. doi: <https://doi.org/10.1097/00005053-199211000-00006>
- Witztum, E., Latzer, Y., & Stein, D. (2008). Anorexia Nervosa and Bulimia Nervosa as Idioms of Distress from the Historical Background to Current Formulations. *International Journal of Child and Adolescent Health*, 5(1), 284–294.

Информация о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

Цифровая идентичность: взаимосвязь смысложизненных ориентаций и содержания личного профиля пользователя социальной сети

Мария В. Созинова^{1*} , **Милена А. Чан-Сян²**

^{1,2} НОУ ВПО Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

* Почта ответственного автора: mari-sozinova@yandex.ru

Аннотация

В данной статье представлено исследование, в котором рассматривается взаимосвязь смысложизненных ориентаций и содержания личного профиля пользователя социальной сети. Авторы предлагают новый взгляд на личные аккаунты в социальных сетях, подчеркивая их эквивалентность дневниковым записям прошлых веков. Обращается внимание на то, как информация, представленная на страницах пользователей, отражает их психологическое состояние, направленность личности и мировоззрение. Новизна исследования заключается в изучении того, как убеждения человека о смысле жизни отражаются в контенте, которым он делится в киберпространстве. Изучая эту взаимосвязь, мы получаем представление о том, как люди выражают свои ценности, цели и перспективы через свое присутствие в сети. Данное исследование предлагает более глубокое понимание того, как люди передают и сообщают свой личный смысл и жизненные ориентации в цифровой сфере. В качестве методов исследования использовались опрос (а именно, тест смысложизненных ориентаций (СЖО) Д. А. Леонтьева), контент-анализ, математические методов обработки данных. Для исследования случайным образом была сформирована выборка из 54 пользователей с открытыми публичными профилями социальной сети возрастом от 16 до 22 лет, в равном количественном соотношении мужчин и женщин. В каждом аккаунте было отобрано от 20 до 24 фотографий. Была разработана инновационная процедура контент-анализа фотографий, представленных в социальных сетях. Для классификации изображений по контексту было сформулировано 9 категорий: учеба/работа, активный отдых, пассивный отдых, творчество, достижения, люди, внешность, пейзаж, другое. Было разработано руководство по кодированию изображений, обеспечиваю-

щее междоверную валидность, в соответствии с ним были проанализированы фотографии и разделены на категории. После проведенного корреляционного анализа были выявлены взаимосвязи между оценками по шкалам теста СЖО и категориями контент-анализа. Анализ данных корреляций предлагается в статье.

Ключевые слова

цифровая идентичность, киберпсихология, социальные сети, контент-анализ, смысло-
жизненные ориентации

Для цитирования

Созинова, М. В., Чан-Сян М. А. (2023). Цифровая идентичность: взаимосвязь смысло-
жизненных ориентаций и содержания личного профиля пользователя социаль-
ной сети. *Северо-Кавказский психологический вестник*, 21(1), 24–38, <https://doi.org/10.21702/ncpb.2023.1.3>

Digital Identity: The Interconnection Between Meaning-Life Orientations and the Content of a Personal Social Network Profile

Maria V. Sozinova^{1*} , Milena A. Chang-Xiang²

^{1,2} Saint Petersburg Humanitarian University of Trade Unions, Saint Petersburg,
Russian Federation

* E-mail: mari-sozinova@yandex.ru

Abstract

This article presents a study that examines the relationship between meaning and life orientations and the content of a social network user's personal profile. The authors provide a new perspective on personal social media profiles by highlighting their equivalence to diary entries of past centuries, emphasizing how the information presented on users' pages reflects their psychological states, personality direction, and worldview. The novelty of the research is centered around investigating how a person's beliefs about the meaning of life and their general orientations in life are reflected in the content they share on their social network profiles. By examining this relationship, the study aims to gain insights into how individuals express their values, goals, and perspectives through their online presence. This exploration offers a deeper understanding of how people convey and communicate their personal meaning and life orientations in the digital realm. The research methods

used were a survey (namely, D.A. Leontief's Meaning and Life Orientation Test ("MLOT")), content analysis, and mathematical data processing methods. For the study a random sample of 54 users with open public profiles of the social network aged 16 to 22 years old was formed, with an equal number of males and females. In each account, between 20 and 24 photos were selected. An innovative content analysis procedure was developed to analyse the pictures presented in the social media. Nine categories were formulated to classify images by context: study/work, active recreation, passive recreation, creativity, achievements, people, appearance, landscape, other. An image coding guide for inter-rater reliability was developed and the pictures were analysed accordingly and categorised. After a correlation analysis was performed, relationships were found between the scores on the scales of the "MLOT" test and the content analysis categories. An analysis of these correlations is offered in the article.

Keywords

digital identity, cyberpsychology, social networks, content analysis, meaning and life orientations

For citation

Sozinova M. V., Chang-Xiang M. A. (2023). Digital Identity: The Interconnection Between Meaning-Life Orientations and the Content of a Personal Social Network Profile. *North-Caucasian Psychological Bulletin*, 21(1), 24–38. (in Russ.). <https://doi.org/10.21702/ncpb.2023.1.3>

Введение

За последние несколько десятилетий человечество добилось значительных успехов в области информационных и коммуникационных технологий, что привело к глобальной цифровизации. Наиболее заметной чертой этой цифровой эпохи является широкое распространение социальных сетей.

Социальные сети – это цифровая платформа, которая позволяет людям общаться друг с другом и обмениваться информацией, мнениями и идеями в режиме реального времени. Они произвели революцию в общении людей друг с другом, а присутствие в интернет-пространстве стало неотъемлемой частью нашей жизни. Это поставило вопрос о появлении новой идентичности – цифровой. Цифровая идентичность – это представление личности человека в Интернете, состоящее из информации, изображений и контента, которыми он делится на цифровых платформах.

С другой стороны, фотография стала орудием самовыражения человека и формирования личности. Поскольку анализ фотографии может дать представление о внутреннем мире человека, его психологическом облике, ему необходимо уделять больше внимания в научных исследованиях. Анализируя цифровую идентичность, в частности, выраженную в фотографиях, исследователи могут глубже понять поведение человека, его личностные качества и его психологическое состояние.

Особенный интерес представляет изучение взаимосвязи между содержанием личного профиля пользователя социальной сети и смысложизненными ориентациями человека, как «стержневыми» образованиями в психологическом строе человека, движущими силами его деятельности. Смысложизненные ориентации раскрываются

в его ценностях, целях и стремлениях (Леонтьев, 2003). Так, изучая эту взаимосвязь, можно лучше понять, как в профилях социальных сетей могут выражать осмысленность человека, его чувство самореализации и жизненные ориентиры.

Прежде всего необходимо рассмотреть теоретические основы концепции социальной идентичности и представить литературный обзор исследований особенностей конструирования идентичности в киберпространстве. Теория социальной идентичности была разработана в 1978 году Х. Тайфелом (Tajfel, 1978). Он определил социальную идентичность как «ощущение человеком того, кто он есть, основанное на его принадлежности к группе» (Tajfel & Turner, 2004, pp. 84). Благодаря виртуализации социального взаимодействия психологическая потребность в групповой принадлежности перешла из офлайна в онлайн, что привело к возникновению нового типа идентичности – цифровой идентичности, также известной как онлайн-идентичность, виртуальная идентичность и т.д.

Онлайн-идентичность – это «конфигурация определяющих характеристик человека в онлайн-пространстве», форма цифровых следов (digital footprints) социальных субъектов (Kim et al., 2011, pp. 120). Д. Д. Руйтер и Дж. Конрой определили онлайн-идентичность как сочетание характеристик, которые помогают определить человека в киберпространстве и тем самым отличают его от других онлайн-пользователей (Ruyter & Conroy, 2002). Каждый, кто пользуется интернетом, активно или пассивно создает онлайн-идентичность, независимо от осознанности предпринимаемых им действий (Frunzaru & Garbasevski, 2016).

Возможность человека конструировать и транслировать свою идентичность никогда не была такой простой, как после появления социальных сетей. Действительно, в киберпространстве имеется широкий набор инструментов для создания, контроля и изменения идентичности. По поводу этого факта П. Серджент и С. Тагг отметили, что «если идентичности дискурсивно (и семиотически) конструируются и диалогически исполняются, то нигде это не проявляется так явно, как в социальных сетях, где люди имеют относительную свободу выбора того, как они хотят себя представить, имеют возможность обратиться к новой, разнообразной и потенциально глобальной аудитории и имеют в своем распоряжении новый набор ресурсов для этого» (Seargeant & Tagg, pp. 9). Так, физическая оторванность от аудитории и управление самопрезентацией облегчает скрытие или подделку личных характеристик.

Тем не менее пользователи, как правило, прибегают к активному и намеренному конструированию цифровой идентичности. Р. Холд объясняет, почему цифровая идентичность так привлекательна для пользователя социальной сети. Он утверждает, что благодаря общению через Интернет физический реальный мир в субъективном восприятии становится гораздо менее существенным. Это означает, что представление о времени и пространстве претерпевает значительные изменения. В результате мы общаемся с людьми, которых, возможно, никогда не увидим во плоти, и это работает как спусковой крючок для создания нового лучшего «Я» без каких-либо видимых на первый взгляд последствий (Holt, 2004).

Кроме того, у молодых людей есть потребность чувствовать себя частью социальной группы, поэтому чувство принадлежности к социальной группе является для них наиболее значимой причиной для общения с другими людьми в сети (Barker, 2019; McKay et al., 2005). Таким образом, социальные связи с другими людьми в сети являются основой для формирования социальной идентичности в сети (Barker, 2019; Seargeant & Tagg 2014; Vernuccio et al., 2015). Также следует отметить, что социальная связанность в сети является ключевым аспектом для виртуальной социальной

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

идентичности молодых людей (Lee & Robbins, 1995; Subrahmanyam & Smahel, 2011).

Наиболее важным инструментом формирования идентичности, по мнению Т. Ван Дийка, является фотографии, которые предоставляют пользователю «больше возможностей для публичного представления и формирования себя» (Van Dijk, 2008, pp. 71). Другими словами, обмен фотографиями дает человеку возможность визуально конструировать свою идентичность.

Таким образом, цифровая идентичность – это современный феномен, характеризующийся посредством теории социальной идентичности, как процесс формирования чувства собственного «Я» на основе принадлежности к какой-либо группе. Это самоощущение передается и интернализируется через социальное поведение, которое формируется под влиянием окружающей среды. С ростом использования цифровых технологий у современного человека появилась новая форма идентичности – цифровая идентичность. Под ней подразумевается то, как люди представляют и определяют себя в онлайн-мире, отличая себя от других и создавая публичный образ. Онлайн-идентичность уникальна, поскольку ее можно конструировать, создавать и изменять с помощью различных инструментов, доступных на сетевых платформах. Мотивация для создания онлайн-идентичности часто проистекает из потребности чувствовать себя связанным с социальной группой. Фотографии являются одним из наиболее часто используемых инструментов для создания онлайн-идентичности, поскольку они позволяют людям визуально представлять себя публике. Изучение цифровой идентичности имеет важные последствия для понимания человеческого поведения в контексте быстро развивающихся цифровых технологий.

Методы

Случайным образом была сформирована выборка из регулярных активных пользователей с открытыми публичными личными профилями. В частности, мы операционализировали понятие регулярных активных пользователей с личными профилями как тех, кто:

- 1) Не является организацией, брендом или спамером;
- 2) Имеет не менее 30 подписчиков, 30 подписок и разместил не менее 20 фотографий (с присутствием личных фотографий) за последние 2 года (с 2021 года).

На практике была сформирована выборка из 80 человек, удовлетворяющих вышеперечисленным критериям. Затем для ее нормализации выборка была сокращена до 54 пользователей – в нее были определены люди в возрастной группе от 16 до 22 лет (поскольку для этой возрастной группы очень важно стремление к созданию своей идентичности и ее проявлению), в равном количественном соотношении лиц мужского и женского пола (27 мужчин, 27 женщин). Выборку составили только 54 пользователя, поскольку проводилось ручное кодирование их фотографий, что не представляется возможным при большом количестве пользователей.

Для анализа профилей пользователей был использован метод контент-анализа. В качестве единицы контент-анализа была взята фотография. У каждого пользователя для контент-анализа было отобрано от 20 до 24 последних фотографий (одна фотография – один пост), загруженных в профиль. Для характеристики типов фотографий, размещаемых в Instagram, была использована классификация их по категориям – кодирование.

В соответствии с поставленной целью исследования были выделены категории, отражающие особенности контекстуального содержания изображения. Так, для классификации изображений по контексту были сформулированы следующие

смысловые единицы (категории): Учеба / работа; Активный отдых; Пассивный отдых; Творчество; Достижения; Люди; Внешность; Пейзаж; Другое.

Исходя из вышеперечисленных смысловых единиц было составлено руководство по кодированию. Ниже приведено руководство по кодированию в соответствии с каждой категорией (табл. 1).

Каждое изображение кодировалось только один раз. Если в одной фотографии было представлено более одного контекста, они кодировались в соответствии со следующей иерархией:

Творчество > учеба/работа > активный отдых > люди > пассивный отдых > внешность. Например, если изображение содержало компанию людей в парке аттракционов, оно кодировалось под категорией «Люди».

Основная причина установления такой иерархии заключалась в обеспечении последовательности между кодерами.

Таблица 1

Определения категорий контент-анализа и критериев кодирования

Категория	Определение
Учеба/работа	Деятельность в учебных заведениях, в офисе, в библиотеке и т.п.
Активный отдых	Любые виды спорта: футбол, конный спорт, плавание, бадминтон и т.п.
Пассивный отдых	Любая потребительская деятельность, а также та, где не наблюдается активная деятельность. Например: в ресторане, в парке, на концерте, на выставке, в театре, чтение, у достопримечательностей, на улице и т.п.
Творчество	Созидательная деятельность и ее продукты: игра на музыкальных инструментах, танцы, рисование и сами картины, дизайн компьютерных программах, выступления на публике и т.п.
Достижения	Фотографии с дипломами, кубками, медалями и т.п.
Люди	Присутствие на фотографии любого человека помимо автора профиля
Внешность	Личные фотографии с нераспознанной локацией и отсутствием идейного, смыслового содержания, деятельности: фото себя у белой стены, селфи без заднего фона и т.п.
Пейзаж	Городские пейзажи, природные и т.д.
Другое	В данную категорию определялись изображения, которые не могли быть отнесены ни к одной из существующих категорий

Два человека (автор и помощник) отвечали за кодирование каждого изображения. Сначала все профили были закодированы обоими кодерами независимо друг от друга. Все коды, присвоенные всем изображениям, проверялись на соответствие,

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

любые расхождения обсуждались и согласовывались, при необходимости учитывалось мнение третьего человека. Если кодеры не были уверены в том, как классифицировать сообщение, оно обсуждалось и кодировалось совместно, опять же с привлечением третьего кодера, если это было необходимо. Описательные комментарии о ключевых особенностях каждого поста также записывались в повествовательной форме в процессе кодирования.

При определении того, какие коды присвоить, элементы поста рассматривались систематически. Сначала просматривалось изображение, а затем, если категорию нельзя было определить только на основании изображения, читалась оригинальная подпись к изображению (описание под постом в Instagram, оставленное владельцем аккаунта). Любые комментарии под постом подписчиков или владельца аккаунта не учитывались.

Межрейтинговая надежность была установлена путем независимого кодирования обоими кодерами одной и той же случайной выборки из 20–24 постов с каждого аккаунта.

После отбора участников каждому было предложено пройти опросник. В качестве методики был избран тест смысложизненных ориентаций (СЖО) Д. А. Леонтьева (1992). Также была добавлена шкала демонстративности, вопросы для которой были взяты из опросника Г. Шмишека (Schmieschek Fragebogen) в адаптации Ю. В. Кортневой (2004). Каждому пользователю индивидуально был выслан опросник, представленный в Google формах.

Результаты

На приведенном графике (рис. 1) представлены средние значения по шкалам теста смысложизненных ориентаций (СЖО) Д. А. Леонтьева, а также средние значения по шкале демонстративности. Диаграмма показывает, насколько средний балл в выборке отклоняется от максимально возможного балла по каждой шкале (максимальный балл для каждой шкалы разный: на графике он обозначен красной линией).

Рисунок 1.

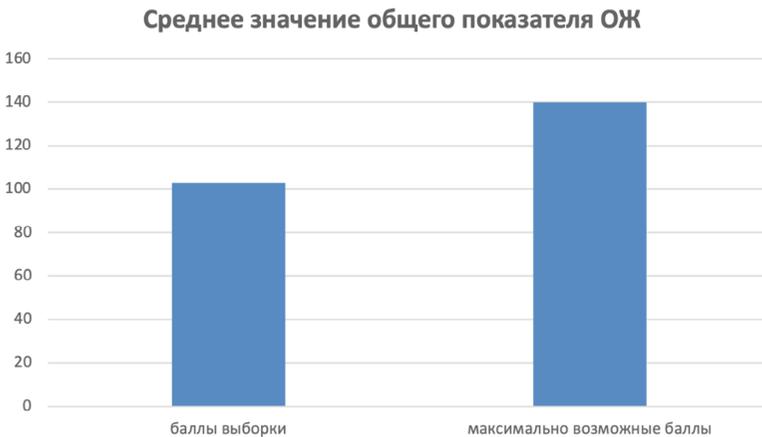
Средние значения по шкалам теста СЖО Леонтьева Д. А. и по шкале демонстративности.

Средние значения общего показателя осмысленности жизни (ОЖ) из теста СЖО Д. А. Леонтьева представлены на отдельном графике (Рис. 2).

Рисунок 2.

Средние значения общего показателя осмысленности жизни по тесту СЖО Д. А. Леонтьева

Для большей наглядности было включено графическое представление, отображающее процентное соотношение средних значений по шкалам теста СЖО (рис. 3). Из гистограммы видно, что значения как правило, находятся на уровне 70%, что соответствует среднему уровню (шкалы цели в жизни, процесс жизни, результат жизни, локус контроля – Я, осмысленность жизни (ОЖ)). Тем не менее одна шкала имеет значение, близящееся к завышенному (локус контроля – жизнь), а другая – к заниженному (демонстративность). Это позволяет сделать вывод о том, что в целом представители выборки обладают средней осмысленностью жизни. Более того, «источник» смысла жизни одинаково локализован в трех временных измерениях – как в будущем (цели), так и в настоящем (процесс), и в прошлом (результат). Высокие показатели по шкале «локус контроля – жизнь» указывает на то, что представители выборки обладают самостоятельностью и автономией в отношении своего существования, поэтому способны к управлению и регулированию своей жизни посредством сознательных действий. Помимо этого, из графика следует, что в среднем у представителей данной выборки отсутствует склонность к демонстративному поведению.

График средних значений по шкалам теста СЖО по полу (рис. 4) не отражает существенных различий. Результаты, относящиеся к шкале общей осмысленности жизни, также демонстрируют высокую степень сходства или подобия: 104 – у мужчин, 102 – у женщин.

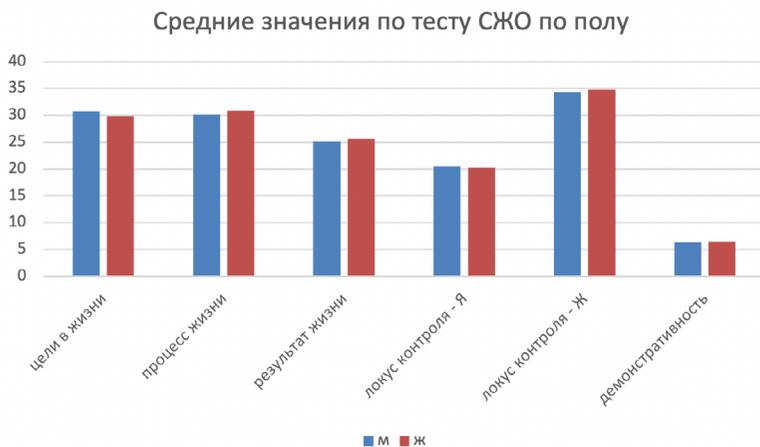
Рисунок 3.

Средние значения по шкалам теста СЖО Леонтьева Д. А. в процентах

Рисунок 4.

Средние значения по шкалам теста СЖО Леонтьева Д. А. по полу

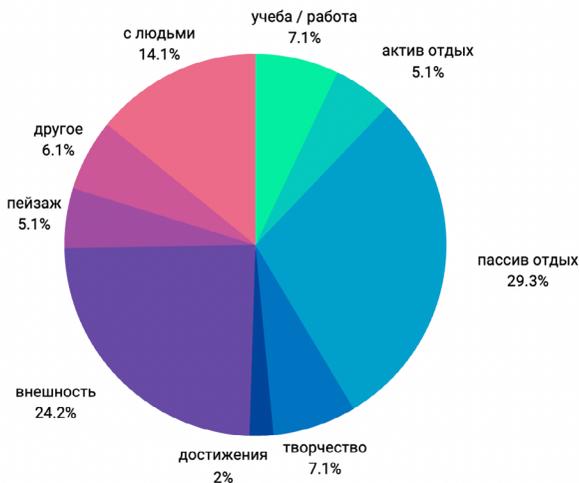

Затем был проведен контент-анализ профилей пользователей. У каждого пользователя для контент-анализа было отобрано от 20 до 24 последних фотографий (одна фотография – один пост), загруженных в профиль. В соответствии с поставленной целью исследования были выделены следующие категории кодирования изображений по контексту: Учеба/работа; Активный отдых; Пассивный отдых; Творчество; Достижения; Люди; Внешность; Пейзаж; Другое.

Таблица с подробным описанием этих категорий была приведена выше (см. Таблицу 1). Результаты контент-анализа могут быть визуально представлены в виде гистограммы, приведенной ниже (рис. 5).

Рисунок 5.

Средние значения по категориям контент-анализа

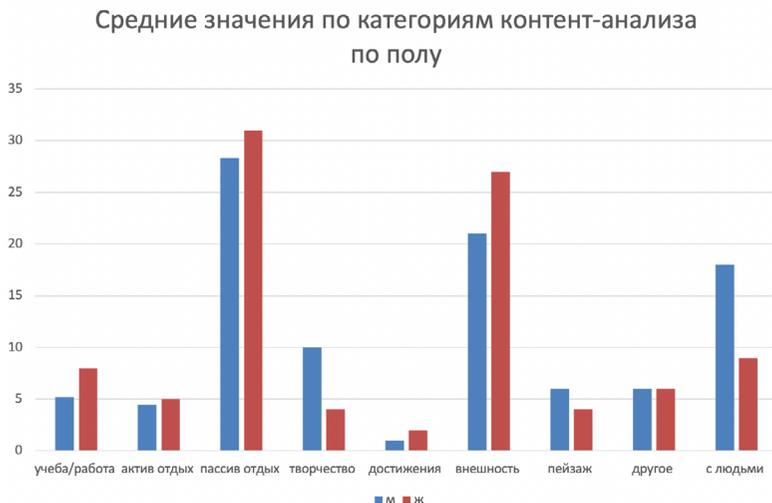

Основываясь на диаграмме, можно сделать вывод, что две наиболее распространенные категории среди профилей участников – это «Пассивный отдых» и «Внешность». Это означает, что большое количество людей в выборке склонны размещать либо фотографии, на которых изображена любая потребительская деятельность (посещение ресторана, выставки или театра, отдыха в парке, чтение, прогулка по улице и т. д.), либо личные фотографии, которые не раскрывают место, где они были сделаны, а также не передают никакого значимого, идейного содержания или деятельности (фото себя у белой стены, селфи без заднего фона и т.п.). С другой стороны, категориями с наименьшей встречаемостью оказались «Достижения», «Активный отдых» и «Пейзаж». Это указывает на то, что меньшее количество людей предпочитали размещать фотографии с такими атрибутами как медали, кубки, дипломы. Также среди участников исследования наименее распространены фотографии с элементами спортивной деятельности и изображений окружающих его ландшафтов.

Половые различия, наблюдаемые в выборке, также заслуживают внимания при контент-анализе. Эти выводы проиллюстрированы на гистограмме ниже (рис. 6).

Рисунок 6.

Средние значения по категориям контент-анализа по полу

Анализ показывает, что по некоторым категориям имеются существенные различия между мужчинами и женщинами (с людьми, творчество, внешность). По другим же – наблюдается сходство (другое, активный отдых, пассивный отдых, достижения, пейзаж, учеба/работа): разница в значениях равна нулю (другое) или не превышает трех единиц. Наиболее значительные различия наблюдаются в категории «Творчество», где мужчины более склонны представлять фотографии, отражающие созидательную деятельность и ее продукты. Кроме того, существенна разница в средних оценках по категории «С людьми»: мужчины из выборки в два раза чаще, чем женщины, делятся фотографиями с другими людьми, а не только личными фотографиями. Также интересны различия в категории «Внешность»: женщины в выборке чаще публикуют личные фотографии, акцентирующие внимание исключительно на их облике (с нераспознанной локацией и отсутствием идейного, смыслового содержания, деятельности), чем мужчины.

В целом, по данной выборке не наблюдается существенных различий в выделенных категориях контент-анализа между мужчинами и женщинами, что согласуется с их схожими показателями теста СЖО Леонтьева Д. А.

Далее был проведен корреляционный анализ между оценками по шкалам теста СЖО Леонтьева Д. А. и показателями по категориям контент-анализа. Результаты представлены с помощью корреляционной плеяды ниже (рис. 7). Корреляционный анализ проводился с использованием критерия Спирмена в связи с ненормальным распределением, наблюдаемым в выборке.

Присутствуют значимые корреляции между выделенными категориями контент-анализа и шкалами СЖО. Это подтверждает гипотезу о том, что смысло-жизненные ориентации находят свое отражение в контекстуальных особенностях контента, публикуемого в профиле социальной сети.

Обсуждение результатов

Выявленная положительная корреляция смысложизненных ориентаций с категорией «Учеба / работа», позволяет предположить, что пользователи, публикующие фотографии с учебным или рабочим контекстом, в большей степени склонны локализовать источники своей жизни в будущем (Цель в жизни) и в настоящем (Процесс жизни). При этом осмысленность жизни у них связана со стремления и эмоциональная насыщенность жизненного процесса. Связь со шкалой «Локус контроля – Я» указывает на то, что эти люди воспринимают себя как сильных личностей, что дает им больше автономии и контроля для построения своей жизни в соответствии со своими целями.

Положительная корреляция со шкалой «Общая осмысленность жизни» свидетельствует о том, что люди, которые размещают в своем профиле больше контента, относящегося к учебе или работе, как правило, испытывают большее чувство смысла в своей жизни. Другими словами, чем больше учебного или рабочего контента выкладывает пользователь, тем более осмысленной он воспринимает свою жизнь.

Кроме того, обнаружены сильные положительные корреляции ($p = 0,01$) категории «Активный отдых» и шкал «Процесс жизни», «Результат жизни», «Осмысленность жизни», а также значимая корреляция ($p = 0,05$) со шкалой «Локус контроля – Я». Первые две взаимосвязи указывают на то, что люди, в профилях которых встречаются фотографии активной (спортивной) деятельности, склонны находить смысл своей жизни в актуальном настоящем («Процесс жизни») – следовательно, характеризуют свою жизнь как более насыщенную, а также склонны к удовлетворенности своей самореализацией, прожитой частью жизни («Результат жизни»).

Связь с «Общей осмысленностью жизни» позволяет заключить, что чем чаще у пользователя встречаются фотографии активного времяпровождения, тем большей осмысленностью он обладает, в силу чего для него объективные обстоятельства характеризуются большим жизненным значением.

Положительная корреляция со шкалой «Локус контроля – Я» отражает тот факт, что пользователи с изображениями активного отдыха в их профилях скорее будут отличаться большей стойкостью, зрелостью и верой в свои силы.

В дополнение важно проследить взаимосвязи между категориями контента. Так, на плееде показана сильная отрицательная корреляция ($p = 0,01$) между категориями «Учеба / работа» и «Внешность». Это означает, что, высокое содержание контента с учебными элементами, как правило, исключает фотографии, концентрирующие свое внимание вокруг аспектов внешности. Также наблюдается значимая отрицательная корреляция ($p = 0,05$) между категориями «Пассивный отдых» и «Внешность». Это позволяет установить, что чем больше в профиле встречается фотографий с элементами неактивного времяпровождения, тем меньше будет фотографий, посвященных исключительно внешнему облику.

В завершение важно отметить сильную положительную корреляцию ($p = 0,01$) между шкалой «Общей осмысленности жизни» и «Демонстративностью». Эта взаимосвязь позволяет судить о том, что пользователи с высокой осмысленностью жизни обладают более демонстративным поведением, а соответственно склонны к публичности, приукрашиванию своей персоны, артистизму, лидерству.

Таким образом, была выявлена взаимосвязь между содержанием контента личного профиля и смысложизненными ориентациями пользователей социальных сетей. Высокое содержание контента с элементами учебы (работы) или активного отдыха взаимосвязано с высокими показателями общей осмысленности жизни,

локусом контроля – Я, а также локализациями источника смысла жизни в различных временных измерениях (в настоящем – в обоих случаях, в будущем – для пользователей с контентом из категории «Учеба / работа», в прошлом – для пользователей с контентом из категории «Активный отдых»).

Литература

- Леонтьев, Д. А. (2003). *Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности*. Москва: Смысл.
- Barker, V. (2012). A generational comparison of social networking site use: The influence of age and social identity. *The International Journal of Aging and Human Development*, 74(2), 163–187. doi: <https://doi.org/10.2190/AG.74.2.d>
- Frunzaru, V. & Garbasevski, D. (2016). Students' online identity management. *Journal of Media Research*, 9(1(24)), 3–13.
- Holt, R. (2004). *Dialogue on the Internet: Language, Civic Identity, and Computer-mediated Communication Civic Discourse for the Third Millennium*. Greenwood Publishing Group.
- Kim, H. W., Zheng, J. R. & Gupta, S. (2011). Examining knowledge contribution from the perspective of an online identity in blogging communities. *Computers in Human Behavior*, 27(5), 1760–1770. doi: 10.1016/j.chb.2011.03.003
- Lee, R. M. & Robbins, S. B. (1995). Measuring belongingness: The social connectedness and social assurance scales. *Journal of Counseling Psychology*, 42(2), 232–241. doi: <https://doi.org/10.1037/0022-0167.42.2.232>
- McKay, S., Thurlow C. & Zimmerman T. H. (2005). *Wired whizzes or techno-slaves? Young people and their emergent communication technologies*. In Williams A., & Thurlow C. (eds), *Talking adolescence: Perspectives on communication in the teenage years*. New York: Peter Lang, 185–203.
- Ruyter, D. D. & Conroy, J. (2002). The formation of identity: the importance of ideals. *Oxford Review of Education*, 28(4), 509–522. doi: 10.1080/0305498022000013643
- Subrahmanyam, K. & Smahel, D. (2010). Constructing identity online: Identity exploration and self-presentation. *Advancing Responsible Adolescent Development*, 59–80.
- Seibel, B. (2019). *Insta-identity: The construction of identity through Instagram and extended literature review*. Portland State University, 1–25.
- Seargeant, P. & Tagg, C. (2014). *The Language of Social Media. Identity and Community on the Internet*. UK: Palgrave Macmillan, 1–23.
- Tajfel, H. (1978). *Differentiation between social groups: Studies in the social psychology of intergroup relations*. European Association of Experimental Social Psychology by Academic Press.
- Tajfel, H., & Turner, J. C. (2004). The Social Identity Theory of Intergroup Behavior: Key Readings. *Psychology Press*, 276–293. doi: <https://doi.org/10.4324/9780203505984-16>
- Van Dijk, T. A. (2008). *Discourse and Power*. Basingstoke and New York: Palgrave Macmillan. *Creative Education*, 11(12), 35–49.
- Vernuccio, M., Barbarossa, C., Pagani, M. & Pastore, A. (2015). Antecedents of brand love in online network-based communities: A social identity perspective. *Journal of Product & Brand Management*, 24(7), 706–719. doi: <https://doi.org/10.1108/JPBM-12-2014-0772>

References

- Barker, V. (2012). A generational comparison of social networking site use: The influence of age and social identity. *The International Journal of Aging and Human Development*, 74(2), 163–187. doi: <https://doi.org/10.2190/AG.74.2.d>
- Frunzaru, V. & Garbasevski, D. (2016). Students' online identity management. *Journal of Media Research*, 9(1(24)), 3–13.
- Holt, R. (2004). *Dialogue on the Internet: Language, Civic Identity, and Computer-mediated Communication Civic Discourse for the Third Millennium*. Greenwood Publishing Group.

- Kim, H. W., Zheng, J. R. & Gupta, S. (2011). Examining knowledge contribution from the perspective of an online identity in blogging communities. *Computers in Human Behavior*, 27(5), 1760–1770. doi: 10.1016/j.chb.2011.03.003
- Lee, R. M. & Robbins, S. B. (1995). Measuring belongingness: The social connectedness and social assurance scales. *Journal of Counseling Psychology*, 42(2), 232–241. doi: <https://doi.org/10.1037/0022-0167.42.2.232>
- Leontiev, D. A. (2003). *Psychology of meaning: the nature, structure and dynamics of semantic reality*. Moscow: Smyst.
- McKay, S., Thurlow, C. & Toomey Zimmerman, H. (2005). *Wired whizzes or techno-slaves? Young people and their emergent communication technologies*. In Williams, A. & Thurlow, C. (eds), *Talking adolescence: Perspectives on communication in the teenage years*, New York: Peter Lang, 185–203.
- Ruyter, D. D. & Conroy, J. (2002). The formation of identity: the importance of ideals. *Oxford Review of Education*, 28(4), 509–522. doi:10.1080/0305498022000013643
- Subrahmanyam, K. & Šmahel, D. (2010). Constructing identity online: Identity exploration and self-presentation. *Advancing Responsible Adolescent Development*, 59–80.
- Seibel, B. (2019). Insta-identity: The construction of identity through Instagram and extended literature review. *Portland State University*, 1–25.
- Seargeant, P. & Tagg, C. (2014). *The Language of Social Media. Identity and Community on the Internet*. UK: Palgrave Macmillan, 1–23.
- Tajfel, H. (1978). *Differentiation between social groups: Studies in the social psychology of intergroup relations*. European Association of Experimental Social Psychology by Academic Press.
- Tajfel, H., & Turner, J. C. (2004). The Social Identity Theory of Intergroup Behavior: Key Readings. *Psychology Press*, 276–293. doi: <https://doi.org/10.4324/9780203505984-16>
- Van Dijk, T. A. (2008). *Discourse and Power*. Basingstoke and New York: Palgrave Macmillan. *Creative Education*, 11(12), 35–49.
- Vernuccio, M., Barbarossa, C., Pagani, M. & Pastore, A. (2015). Antecedents of brand love in online network-based communities. A social identity perspective. *Journal of Product & Brand Management*, 24(7), 706–719. doi: <https://doi.org/10.1108/JPB-12-2014-0772>

Информация о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

Научная статья

УДК УДК 159.99

<https://doi.org/10.21702/ncpb.2023.1.4>

Мотивация студентов-психологов: роль контента масс медиа-психологов в ее формировании

Нина В. Смирнова^{1*}

¹ Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

* Почта ответственного автора: nismirnova@sfnedu.ru

Аннотация

Введение. Данная статья посвящена исследованию влияния контента медиа-психологов на академическую мотивацию студентов-психологов. Исследование заполнит пробел в существующих научных знаниях, поскольку в данный момент мало известно об отношении студентов-психологов к просмотру психологического контента и о связи этого отношения с мотивацией. **Методы.** Выборка исследования составила 67 человек, из которых: 92,5% составили девушки, а 7,5% – мужчины. Применялись такие методики, как ШАМ (Шкала академической мотивации), САМОАЛ и авторская анкета-опросник. **Результаты.** Исследование показало высокую вовлеченность студентов-психологов в деятельность масс медиа-психологов. Большая часть из учащихся обозначает важность такого контента для развития критического мышления и профессиональных навыков в целом. Так же, было выявлено, что студенты часто обращающиеся к контенту масс медиа-психологов имеют более высокий уровень познавательной мотивации и креативности, по сравнению с теми, кто не интересуется таким контентом. **Обсуждение результатов.** Полученные согласуются с исследованиями авторов, которые изучали особенности мотивации студентов-психологов и влияние медиа-контента на ее развитие. Исследование показало, что положительное влияние масс медиа-психологов на мотивацию студентов психологов действительно присутствует.

Ключевые слова

Мотивация, студенты-психологи, масс медиа-психологи, мотивация студентов, медиа-контент

Для цитирования

Смирнова Н.В. (2023). Мотивация студентов-психологов: роль контента масс медиа-психологов в ее формировании. Северо-Кавказский психологический вестник, 21(1), 39–48. <https://doi.org/10.21702/ncpb.2023.1.4>

Motivation of psychology students: the role of the accumulation of media psychologists in its fruits

Nina V. Smirnova^{1*}

¹ Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation

* E-mail: nismirnova@sfedu.ru

Abstract

Introduction. This article is devoted to the study of the accumulation of media psychologists on the academic motivation of psychology students. The study will fill a gap in scientific knowledge as little is currently known about psychology students' attitudes toward viewing psychological content and the relationship with motivational relationships. **Methods.** The study sample evaluated 67 people, of which: 92.5% were girls, and 7.5% were men. Methods such as SAM (Scale of Academic Motivation), SAMOAL and the author's questionnaire were used. **Results.** The study showed the high performance of psychology students in the activities of mass media psychologists. A large part of the student is of great importance for the development of critical thinking and professional skills in general. It was also found that students who often turn to the content of mass media psychologists have a higher level of cognitive motivation and creativity, compared to topics who are not interested in such content. **Discussion.** The results are consistent with the studies of the authors, who reject the peculiarities of the motivation of psychology students and the influence of media content on its development. The study showed that the positive influence of mass media psychologists on the motivation of psychology students does take place.

Keywords

Motivation, psychology students, mass media psychologists, student motivation, media content

For citation

Smirnova N.V. (2023). Motivation of psychology students: the role of the accumulation of media psychologists in its fruits. *North-Caucasian Psychological Bulletin*, 21(1), 39–48. (in Russ.). <https://doi.org/10.21702/ncpb.2023.1.4>

Введение

Основная задача студентов – обучаться. Для достижения высоких результатов необходимо держать свою мотивацию на должном уровне.

В научной и методической литературе психолого-педагогического содержания отмечается большое внимание ученых проблеме изучения мотивации учения студентов (Е. Л. Афанасенкова (2011), И. Л. Васильева (2004), И. С. Василенко (2003), С. В. Дроздов (2000), Т. Г. Кравцова (2003) и др.). Однако, несмотря на кажущуюся разработанность данной проблемы остаются актуальными вопросы повышения мотивации студентов.

Исследованием мотивации в психологии так же занимались такие выдающиеся исследователи, как Х. Хеккаузен, В. Г. Асеев, А. Н. Леонтьев, П. М. Якобсон, А. К. Маркова, Ю. Б. Орлов и др.

Исходя из современных определений категории «мотивация» (В. К. Вилюнас, В. И. Ковалева, Е. С. Кузьмина, Б. Ф. Ломова, К. К. Платонова и др.) под мотивационной сферой личности понимается совокупность стойких мотивов, которая имеет определенную иерархию и выражает направленность личности.

Е. Смирнова (2009) пишет, что развитие профессиональной мотивации является равноценной с другими задачей в процессе становления специалиста в вузе.

Детальный и глубокий анализ научных исследований по данному вопросу представлен в учебном пособии Н. А. Бакшаевой и А. А. Вербицкого (2006) «Психология мотивации студентов». Авторами выделены мотивы учебной, познавательной и профессиональной деятельности субъекта, рассмотрен процесс трансформации учебной мотивации в профессиональную в процессе обучения в вузе.

Развитие профессиональной мотивации студентов является ключевым элементом перехода от учения к труду в контекстном обучении. При этом важно отметить, что профессиональная мотивация включает в себя не только интерес к профессиональной деятельности и стремление к ее теоретическому осмыслению. Она также предполагает стремление к самосовершенствованию и развитию профессионально важных качеств, ответственность за результаты работы, потребность в профессиональном общении и сотрудничестве и другие мотивы.

А. Р. Акимова (2010) отмечает, что уже у студентов 1-го курса отмечается стремление к общественно значимым целям. На старших курсах появляются личностные смыслы деятельности.

Важно понимать и поддерживать мотивацию студентов с момента поступления до того момента, как они станут действующими специалистами.

При этом некоторые из студентов имеют высокий уровень академической мотивации, и в таком случае необходимо ее укреплять и поддерживать. Однако есть и такие студенты, мотивация которых находится на достаточно низком уровне, ими не вполне ясно осознаются цели обучения, или же они руководствуются в основном внешними мотивами.

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

Согласно исследованиям Э.М. Пицхелаури и Б. М. Куршиева (2016), студенты на более продвинутых курсах образования начинают осознавать свои способности и проявляют более высокий уровень мотивации к изучению своей будущей профессии. Поэтому необходимо стремиться к совместному усвоению знаний о профессиональной деятельности и поддержке мотивации к ее освоению.

Таким образом, можно выделить две группы студентов, у которых разный уровень профессиональной мотивации. У некоторых студентов ее развитие уже находится на высоком уровне, но необходимо дальнейшее развитие и укрепление, в то время как другие студенты нуждаются в начальном формировании мотивации, опираясь на их потребности в личностном саморазвитии.

Л. И. Селиванова (2008) в своей статье осветила интересные аспекты мотивации студентов. Она отмечает, что в нашей нынешней системе профессионального образования учащимся навязываются готовые цели, лишь цепляющиеся за стандартное, тесно узаконенное содержание образования, что не оставляет никакого пространства для самовыражения. Кроме того, учебный процесс жестко организован и контролируется, что не способствует интересу студентов к занятиям.

Сегодня с развитием социальных сетей и различных приложений появляется возможность трансляции психологического знания практикующими психологами. Таких психологов, ведущих свои блоги на различных платформах, называют масс-медиа психологами (Ковалев, 2015).

Методы

В результате сбора эмпирических данных были опрошены студенты-психологи разных направлений обучения, а именно 67 человек, из которых: 92,5% составили девушки, а 7,5% – мужчины. Преобладающий курс 1 (из него опрос прошли 37 человек, что составляет 55,2% от числа всех анкетированных). Акцент был сделан на студентах младших курсов из теории об их большей вовлеченности в интернет-пространство.

Из выборки 82,1% поступили в ВУЗ после школы, 16,4% – после колледжа, для оставшихся это второе образование.

Для сбора данных в исследовании мы использовали Google forms. Сбор данных проводился в течение длительного периода времени, с 21.11.2021. по 6.03.2022, что позволило нам привлечь большое количество респондентов.

В исследовании мы использовали три различные методики. Первой была методика ШАМ (шкала академической мотивации), которая предназначена для измерения выраженности и типа мотивации к учебной деятельности. Она была разработана Т. О. Гордеевой, О. А. Сычевым и Е. Н. Осиним в 2014 году на основе Шкалы академической мотивации Валлеранда (Гордеев, Сычев и Осин, 2014).

Второй методикой, которую мы использовали, была методика САМОАЛ. Она предназначена для обследования взрослых (старше 15–17 лет), психически здоровых людей (имеется в виду отсутствие выраженной психопатологии).

Третьей методикой был авторский опросник, разработанный нами. Он был предназначен для выявления степени влияния на академическую мотивацию студентов-психологов масс медиа-психологов. Методика состоит из 15 закрытых вопросов, в которых предлагается оценить от 1 до 10 насколько высказывание полно отражается в системе ценностей студента.

Таким образом, использование различных методик позволило нам получить подробную информацию об академической мотивации студентов и проанализиро-

вать ее в контексте различных факторов, таких как психическое здоровье и влияние масс медиа-психологов на мотивацию.

Достоверность полученных исследовательских данных подтверждается достаточным объемом эмпирической выборки и использованием методов математической статистики. В частности, был применен корреляционный анализ с применением коэффициента Спирмена, что позволило выявить вероятностную связь между показателями. Для обработки данных использовалась программа SPSS.

Результаты

Анализ авторской анкеты-опросника

На вопрос о том, как часто обучающиеся обращаются к блогам интернет психологов (YouTube каналы, блоги в том числе видео и тестовые статьи) источникам был получен ответ: 21,3% обращаются каждый день, 32,8% обращаются 2–3 раза в неделю. Эти 2 показателя составляют достаточно большое значение, даже несмотря на то, что остальной процент прибегает к поиску информации реже.

Результаты авторской методики выявили, что по статистике, 85,1% опрошенных студентов признали, что психологические медиа-материалы имеют значительное влияние на их жизнь.

На вопрос о том, обращаются ли студенты к дополнительным источникам информации, не связанным с учебной программой по их специальности, 92,4% ответили утвердительно. Это говорит о том, что студенты активно ищут и получают дополнительные знания и информацию о своей специальности из-за интереса к теме и желания расширить свои знания.

Результаты также показали, что многие студенты (86,9%) вдохновляются работой масс-медиа психологов, и их деятельность показывает студентам возможные пути развития в выбранной ими специальности. Наблюдение за известными психологами помогает большинству студентов (86,8%) понять, как применять полученные знания на практике во время обучения. Эти результаты подтверждают эффективность методики и ее положительное влияние на студентов.

Чтение специализированного контента и наблюдение за медиа-психологами играют ключевую роль в формировании себя как психолога, особенно у студентов, что подтверждается 66,6% опрошенных. Интерес студентов к подобному формату обусловлен возможностью активной вовлеченности в профессиональную деятельность через практические задания и тренинги, что недоступно в традиционных лекционных форматах.

Опрос также показал, что наблюдение за медиа-психологами способствует мотивации и поддерживает желание студентов стать специалистами в выбранной области (83,9% опрошенных). Вероятно, это связано с тем, что такой контент расширяет понимание студентов о работе и деятельности психолога как специалиста, по мнению 86,8% опрошенных студентов.

Иными словами, наличие успешных профессионалов, которые производят авторские информационные продукты, может увеличить уверенность студентов в их будущем успехе как специалистов. Этот факт был подтвержден через авторскую методику, в которой студентам предлагалось оценить влияние известных психологов, публикующих свои материалы в социальных сетях, на их уверенность в будущей работе. Результаты показали, что 77% студентов оценили это влияние на высоком уровне (от 7 до 10 баллов), что свидетельствует о значительной уверенности в своей востребованности.

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

Вопрос 11 был посвящен развитию навыков самопрезентации у студентов, так как они часто выступают с докладами на занятиях. Исследование также показало, что медиа-психологи могут воздействовать на желание и мотивацию студентов в развитии этого навыка. 87,7% студентов оценили данное влияние высоко (от 7 до 10 баллов), что подтверждает, что использование видеоматериалов и мотивационных текстов может стимулировать студентов к развитию своих навыков презентации на высоком уровне.

Исследование подтвердило гипотезу о том, что медиа-психологи в настоящее время являются важным источником вдохновения и ориентиром для развития будущих специалистов. Большинство опрошенных студентов отметили, что они видят интернет-психологов как полезных руководителей в своем профессиональном росте.

Кроме того, студенты также признали полезность блогов интернет-психологов, особенно для начинающих психологов-специалистов. 78,6% опрошенных оценили высокую полезность блогов психологов, ведущих свои аккаунты в социальных сетях, как в целом, так и для себя лично. Это говорит о том, что блоги медиа-психологов играют значимую роль в профессиональном росте и развитии начинающих психологов.

В рамках проведенного исследования были проанализированы данные авторской анкеты опросника, которые позволили выявить специфику потребления психологической информации опрошенными студентами-психологами. Из 67 опрошенных 85,1% обращаются к психологам, транслирующим свои навыки и информацию в социальных сетях и YouTube, что может свидетельствовать о высокой потребности студентов-психологов в дополнительной информации, которая помогает им развиваться как профессионалам.

Также было выявлено, что большая часть респондентов (54,1%) обратились к блогам интернет-психологов хотя бы раз в неделю, при этом каждый пятый опрошенный обращается к подобной информации ежедневно.

Данные диагностических методик показали, что студенты-психологи имеют высокую академическую мотивацию и стремятся к профессиональному росту. В первую очередь, эти мотивы связаны с потребностью в самоактуализации. Студенты также проявляют интерес к расширению своих знаний и кругозора.

Студенты отметили, что действительно видят в масс-медиа психологах некий ориентир в русле профессионального развития.

79,1% студентов отметили высокие значения от 7 до 10 в вопросе важности развития критического мышления.

Вопреки распространенным сомнениям относительно актуальности и научной обоснованности информации, предоставляемой медиа-психологами, результаты опроса показали, что 81,9% участников высоко оценили полезность полученной информации на шкале от 7 до 10, об этом свидетельствуют данные из вопроса 15. Эти результаты свидетельствуют о том, что информация, полученная от медиа-психологов, не только применима в повседневной жизни, но также является полезной в профессиональной среде.

Это открытие указывает на значимость и релевантность информации, предоставляемой медиа-психологами, и подчеркивает ее потенциальную ценность для студентов-психологов в их профессиональном развитии.

Результаты корреляционного анализа

Результаты статистического анализа с использованием критерия U Манна-Уитни показали, что между группами студентов, которые активно наблюдают за медиа-психологами и тех, кто не интересуется блогами интернет-психологов, имеются статистически значимые различия по двум шкалам методики САМОАЛ и ШАМ: креативности ($p=0.031$) и познавательной мотивации ($p=0.002$).

Это означает, что студенты, которые часто интересуются контентом медиа-психологов, имеют более высокие показатели по шкалам креативности и познавательной мотивации, чем студенты, которые реже обращаются к контенту интернет-психологов.

Эти результаты могут указывать на то, что контент медиа-психологов может иметь положительное влияние на академическую мотивацию и профессиональное развитие студентов-психологов. Однако, следует учитывать, что это лишь одно исследование и для получения общей картины необходимо провести дополнительные исследования.

Дополнительное исследование позволило выявить список актуальных психологов, к которым обращаются современные студенты-психологи.

Таблица 1.

Наиболее популярные масс медиа-психологи среди опрошенных студентов-психологов.

Имя	Рейтинг/% упоминаний	Специализация
Вероника Степанова (43 года)	1 (38% голосов)	Психолог/Психотерапевт
Лина Дианова (33 года)	2 (25% голосов)	Клинический-психолог
Евгения Стрелецкая	3 (20% голосов)	Психолог-терапевт
Михаил Лабковский (60 лет)	4 (17% голосов)	Шоу-мен, психолог-консультант

Обсуждение результатов

Масс-медиа психологи, как мы обнаружили в нашем исследовании, имеют положительное влияние на профессиональную мотивацию студентов психологов.

Во-первых, они могут стать вдохновением для студентов, показав, какими навыками и знаниями нужно обладать для достижения успехов в данной области.

Во-вторых, медиа-психологи могут стать учителями и менторами для студентов, которые ищут советов и наставлений от профессионалов. После просмотра телефильма, интервью, или прочтения статьи, студенты могут получить новые идеи, которые могут быть применены в их будущей работе.

В-третьих, медиа-психологи могут помочь студентам-психологам увидеть, как их будущая профессия может быть применена в разных областях, с разными клиентами и как современные технологии могут сделать работу психологов более эффективной.

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

Медиа-психологи играют значительную роль в помощи студентам-психологам в понимании влияния современных медиа на мировоззрение клиентов, а также в осознании потенциала использования медиа-технологий в психологической работе. Эти результаты соотносятся с позицией, выраженной в статье В. L. McGough & D. Salomon, где подчеркивается важность медиа-технологий и их растущая значимость среди студентов вузов. (McGough, Salomon, 2014).

Авторы подчеркивают, что студенты высших учебных заведений все больше признают важность и роль медиа-технологий в современном обществе. Это сходится с выводами исследования, которое показывает, что студенты-психологи также признают полезность и актуальность медиа-психологии в своей профессиональной деятельности.

Таким образом, медиа-психологи могут стать важным источником мотивации и вдохновения для студентов психологов, помочь им не только получить знания, но и научиться применять их в практике.

Это согласовывается с работой Hancock, J. T., Liu, S. X., Luo, M., & H. Mieczkowski, (2022), в которой описывается формирование мотивации у студентов высших учебных заведений.

Заключение

Исследование показало, что интерес студентов-психологов к психологическому контенту медиа-психологов оказывает положительное влияние на их мотивацию и развитие профессиональных навыков. Активные пользователи интернет-ресурсов медиа-психологов демонстрируют более высокие показатели креативности и познавательных потребностей. Обращение к дополнительным источникам информации способствует расширению кругозора и развитию критического мышления студентов-психологов.

Литература

- Афанасенкова, Е. Л. (2011). Особенности структуры мотивов учения студентов педагогов-психологов. *Известия Российской академии образования*, 4, 137–153.
- Васильева, И.Л. (2004). *Динамика мотивационно-целевых установок будущих педагогов-психологов в процессе профессиональной подготовки* (Диссертация). Москва: МГОПУ.
- Лазарев, А.И., Конопля, А.И., Василенко, Т.Д., Есенкова, Н.Ю., Селин, А.В. (2006). Системный анализ факторов, влияющих на учебную мотивацию. *Современные проблемы науки и образования*, 4, 54–56.
- Василенко, И.С. (2003). *Динамика мотивации профессионального самосовершенствования в инновационном процессе* (Диссертация). Ростов-на-Дону: РГПУ.
- Дроздов, С. В. (2000). *Динамика мотивационно-смысловых образовательной личности студентов в процессе адаптации к учебе* (Диссертация). Москва: МПГУ.
- Кравцова, Т. Г. (2003). *Структура и динамика развития мотивации достижения успехов в юношеском возрасте* (Диссертация). Хабаровск: ДГУПС.
- Ковалев, В. Н. (2015). Веб-квест как инновационная информационно-коммуникационная технология высшей школы. *Высшее образование для XXI века. Доклады и материалы. Круглый стол «Современные тенденции медиаобразования»* (С. 63–67). Москва: Московский гуманитарный университет.
- Смирнова, Г. Е. (2009). Развитие профессиональной мотивации студентов-психологов. *Педагогика и психология образования*, 3, 77–88.
- Гордеева, Т. О., Сычев, О. А., Осин, Е. Н. (2014). Опросник «Шкалы академической мотивации». *Психологический журнал*, 35(4), 96–107.

- Фетискин, Н. П., Козлов, В. В., Мануйлов, Г. М. (2002). *Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп*. Москва: Изд-во Института. Психотерапии.
- Бакшаева, Н. А. Вербицкий, А. А. (2006). *Психология мотивации студентов: учебное пособие*. Москва: Логос.
- Селиванова, Л. И. (2008). Мотивация профессионального обучения студентов-психологов в вузе. *Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. Серия Психология*. 5(3), 108–116.
- Акимова, А. Р. (2010). *Особенности уверенности и общительности студентов на разных этапах социально-психологической адаптации в вузе* (Диссертация). Москва: Российский университет дружбы народов.
- Пицхелаури, Э.М., Куршиева, Б. М. (2016). Профессиональное самоопределение студентов в системе высшего педагогического образования. *Психология обучения*, 1, 68–74.
- Пакулина, С. А. (2010). Методика диагностики мотивации достижения успехов студентов в вузе. *Психолого-педагогические исследования*, 2(1), 1–11.
- Hancock, J. T., Liu, S. X., Luo, M., & Mieczkowski, H. (2022). Social Media and Psychological Well-Being. In S. C. MATZ (Ed.), *The Psychology of Technology: Social Science Research in the Age of Big Data* (pp. 195–238). American Psychological Association.
- McGough, B. L., Salomon, D. (2014). Engaging Students Through Social Media. In B. R. Bernhardt, L. H. Hinds, & K. P. Strauch (Eds.), *Too Much is Not Enough: Charleston Conference Proceedings*, 2013 (pp. 283–286). Purdue University Press.

References

- Afanasenkova, E. L. (2011). Features of the structure of the motives of the teaching of students of educational psychologists. *News of the Russian Academy of Education*, 4, 137–153.
- Akimova, A. R. (2010). *Features of confidence and sociability of students at different stages of socio-psychological adaptation in the university* (Dissertation). Moscow: Peoples' Friendship University of Russia.
- Bakshaeva, N. A. Verbitsky, A. A. (2006). *Psychology of student motivation: study guide*. Moscow: Logos.
- Drozov, S. V. (2000). *Dynamics of motivational-semantic formations of students' personality in the process of adaptation to study* (Dissertation). Moscow: MPGU.
- Fetitskin, N. P., Kozlov, V. V., Manuilov, G. M. (2002). *Socio-psychological diagnostics of personality development and small groups*. Moscow: Publishing House of the Institute. Psychotherapy.
- Gordeeva, T. O., Sychev, O. A., Osin, E. N. (2014). Questionnaire "Scales of Academic Motivation". *Psychological Journal*, 35(4), 96–107.
- Hancock, J. T., Liu, S. X., Luo, M., & Mieczkowski, H. (2022). Social Media and Psychological Well-Being. In S. C. MATZ (Ed.), *The Psychology of Technology: Social Science Research in the Age of Big Data* (pp. 195–238). American Psychological Association.
- Kovalev, V. N. (2015). Web quest as an innovative information and communication technology of higher education. *Higher education for the XXI century*. Reports and materials. Round table "Modern trends in media education" (pp. 63–67). Moscow: Moscow University for the Humanities.
- Kravitsova, T. G. (2003). *The structure and dynamics of the development of motivation to achieve success in adolescence* (Dissertation). Khabarovsk: DGUPS.
- Lazarev, A.I., Konoplyva, A.I., Vasilenko, T.D., Yesenkova, N.Yu., Selin, A.V. (2006). System analysis of factors influencing learning motivation. *Modern problems of science and education*, 4, 54–56.
- McGough, B. L., Salomon, D. (2014). Engaging Students Through Social Media. In B. R. Bernhardt, L. H. Hinds, & K. P. Strauch (Eds.), *Too Much is Not Enough: Charleston Conference Proceedings*, 2013 (pp. 283–286). Purdue University Press.
- Pakulina, S. A. (2010). Methodology for diagnosing the motivation to achieve student success in the university. *Psychological and pedagogical research*, 2(1), 1–11.

- Pitskhelauri, E.M., Kurshieva, B.M. (2016). Professional self-determination of students in the system of higher pedagogical education. *Psychology of Learning*, 1, 68–74.
- Selivanova, L. I. (2008). Motivation of professional training of psychology students at the university. *Bulletin of the Leningrad State University. A. S. Pushkin. Series Psychology*. 5(3), 108–116.
- Smirnova, G. E. (2009). Development of professional motivation of psychology students. *Pedagogy and Educational Psychology*, 3, 77–88.
- Vasilenko, I.S. (2003). *Dynamics of professional self-improvement motivation in the innovation process* (Dissertation). Rostov-on-Don: RGPU.
- Vasilyeva, I.L. (2004). *Dynamics of motivational-target attitudes of future educational psychologists in the process of professional training* (Dissertation). Moscow: MGOPU.

Информация о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

Научная статья

УДК 159.99

<https://doi.org/10.21702/ncpb.2023.1.5>

Стратегии преодоления трудных жизненных ситуаций у мужчин и женщин с алкогольной зависимостью

Анастасия С. Бордоносенко^{1*}

¹ Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону,
Российская Федерация

* Почта ответственного автора: bordonosenko@sfedu.ru

Аннотация

Современные условия жизни так или иначе сопряжены со стрессом, трудностями и особенности поведения личности в подобных обстоятельствах могут выступать факторами успешного, адаптивного функционирования. К настоящему моменту копинг или совладающее поведение личности описаны подробно как зарубежными, так и отечественными учеными. Однако разработка указанной проблемы применительно к аддиктивной категории населения производится лишь в последние десятилетия и на данном этапе несколько фрагментарна. Представленная статья посвящена изучению особенностей преодоления трудных жизненных ситуаций алкозависимых пациентов. В работе подробно изложены результаты исследования взаимосвязи алкоголизма и стратегий преодоления трудных жизненных ситуаций у мужчин и женщин. Новизна работы состоит в попытке расширения и уточнения имеющихся данных в контексте исследования стратегий преодоления трудных жизненных ситуаций у мужчин и женщин с алкогольной зависимостью. Исследование проводится с учетом половой дифференциации респондентов, что дает основание для более детального изучения особенностей преодоления трудных жизненных ситуаций. Исходя из этого, представляется возможным учет полученных данных в аспекте составления реабилитационной и психотерапевтической программы воздействия на алкозависимую личность, результаты могут быть полезны в случае проведения психокоррекции и обучения пациентов навыкам использования адаптивных и социально приемлемых стратегий поведения. Проведенное исследование позволяет отметить значимые различия в преодолении трудных жизненных ситуаций у неалкоголизованных и алкозависимых респондентов. Высокая склонность к конфронтации при низком самоконтроле в сочетании с поиском социальной поддержки, направленной на алкогольную микросреду – лишь некоторые особенности поведения больных в трудных жизненных ситуациях.

Ключевые слова

трудная жизненная ситуация; копинг; стратегии преодоления трудной жизненной ситуации; алкогольная зависимость; дезадаптивность поведения

Для цитирования

Бордоносенко, А. С. (2023). Стратегии преодоления трудных жизненных ситуаций у мужчин и женщин с алкогольной зависимостью. *Северо-Кавказский психологический вестник*, 21(1), 49–57, <https://doi.org/10.21702/ncpb.2023.1.5>

Strategies for Overcoming Difficult Life Situations by Men and Women with Alcohol Addiction

Anastasia S. Bordonosenko^{1*}

¹ Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation

* E-mail: bordonosenko@sfedu.ru

Abstract

Modern living conditions are somehow associated with stress, difficulties and peculiarities of personality behavior in such circumstances can act as factors of successful, adaptive functioning. To date, coping behavior of a person has been described in detail by both foreign and domestic scientists. However, the development of this problem in relation to the addictive category of the population has been carried out only in recent decades and at this stage is somewhat fragmentary. The presented article is devoted to the study of the features of overcoming difficult life situations of alcohol-dependent patients. The paper details the results of a study of the relationship between alcoholism and strategies for overcoming difficult life situations in men and women. The novelty of the work consists in an attempt to expand and clarify the available data in the context of the study of strategies for overcoming difficult life situations in men and women with alcohol dependence. The study is conducted taking into account the sexual differentiation of respondents, which provides a basis for a more detailed study of the features of overcoming difficult life situations. Based on this, it is possible to take into account the data obtained in the aspect of drawing up a rehabilitation and psychotherapeutic program of influence on an alcohol-dependent person, the results can be useful in the case of psychocorrection and teaching patients the skills of using adaptive and socially acceptable behavioral strategies. The conducted research allows us to note significant differences in overcoming difficult life situations in non-alcoholic and alcohol-dependent respondents. A high tendency to

confrontation with low self-control, combined with the search for social support aimed at the alcoholic environment, are just some of the features of the behavior of patients in difficult life situations.

Keywords

difficult life situation; coping behavior; coping strategies; alcohol addiction; maladaptive behavior

For citation

Bordonosenko A.S. (2023). Strategies for overcoming difficult life situations by men and women with alcohol addiction. *North-Caucasian Psychological Bulletin*, 21(1), 49–57. (in Russ.). <https://doi.org/10.21702/ncpb.2023.1.5>

Введение

Динамичный и напряженный темп жизни современного человека в условиях глобальных общественных преобразований создает основу для возникновения всевозможных затруднительных ситуаций. Именно выбор конструктивных стратегий совладания с трудностями в итоге становится фактором, определяющим успешность развития личности, ее целостность, зрелость, устойчивость как члена социума (Шубникова, 2017). Однако несмотря на многообразие зарубежных и отечественных исследований, изучение стратегий преодоления трудных жизненных ситуаций рассматривалось лишь в аспекте соотношения их с личностью, поведение которой расценивалось как нормативное и социально приемлемое (Heim (1988), Lazarus (1998), Biggs, Brough & Drummond (2019), Park, Folkman, Анцыферова Л. И., Бодров В. А., Грановская Р. М., Никольская И. М., Нартова-Бочаер С. К.).

Анализируя статистические данные, отмечается, что среди людей в возрасте от 20 до 39 лет примерно 13,5% всех случаев смерти связаны с употреблением алкоголя (Всемирная организация здравоохранения). Помимо прочих, одним из факторов, способствующих формированию зависимости, является неадаптивное поведение, направленное на преодоление жизненных трудностей (Ялтонский, 2007). Изучение особенностей поведения у таких пациентов необходимо для последующей коррекции и обучения навыкам успешного совладания с трудностями. Проблема изучения влияния алкозависимости на избрание стратегий преодоления трудных жизненных ситуаций начала разрабатываться лишь в последние десятилетия (Ялтонский В. М., Сирота Н. А., Дмитриева Н. В., Приходчинков О. А., Гузикова Б. М., Клименко Т. В., Шайдукова Л. К.). Немногочисленные исследования различий преодоления жизненных трудностей алкозависимых мужчин и женщин, представлены такими исследователями как: Чхиквадзе Т. В. и Беляева Е. Н. (2018), Мазурова Л. В., Стоянова И. С., Москаленко В. Д.

Актуальность и недостаточная изученность указанной проблематики и определили тему исследования. Цель заключалась в теоретическом обосновании и эмпирическом исследовании взаимосвязи стратегий преодоления трудных жизненных ситуаций у мужчин и женщин с алкогольной зависимостью.

Методы

Процедура: Исследование проводилось в 2022 году в формате психодиагностического анкетирования при личной встрече с респондентами.

Выборка: Общий объем выборки составил 120 респондентов. Исследовано 60 мужчин в возрасте от 36 до 54 лет (средний возраст 43,9 года), а также 60 женщин – от 34 до 51 года (средний возраст 44,8 года).

Экспериментальная группа респондентов состоит из 30 мужчин и 30 женщин с диагностированной алкогольной зависимостью различных стадий. Исследуемые являются пациентами ГУ «Луганской республиканской клинической психоневрологической больницы» ЛНР наркологического отделения № 1, № 2 и пациентами наркологического отделения № 4, № 5 ГУ «Луганского республиканского наркологического диспансера» ЛНР. Мужчины возрастным интервалом от 38 до 54 лет (средний возраст 44,6 года). Женщины возрастным интервалом от 34 до 51 года (средний возраст 45,1 лет).

Контрольная группа респондентов состоит из 30 мужчин и 30 женщин, являющихся медицинскими сотрудниками ГУ «Луганской республиканской клинической психоневрологической больницы» ЛНР наркологического отделения № 1 и отделения № 4 ГУ «Луганского республиканского наркологического диспансера» ЛНР, не имеющие в анамнезе диагностированной алкогольной зависимости. Возрастной интервал мужчин от 36 до 53 лет (средний возраст 43,3 года), а женщин от 35 до 51 года (средний возраст 38,3 года).

Методики: 1) Тест «Преодоление трудных жизненных ситуаций» (ПТЖС); 2) Опросник «Способы совладающего поведения» Р. Лазарус, С. Фолкман; 3) Опросник, определяющий склонность к развитию стресса (по Т.А. Немчину и С. Тейлору); 4) Опросник «Уровень субъективного контроля» Е.Ф. Бажин, Е.А. Голынкина, Л.М. Эткинд; 5) Шкала удовлетворенности жизнью Э. Динера; 6) Мичиганский скрининг-тест алкоголизма (MAST).

Количественная обработка данных проводилась с помощью дескриптивного анализа, вычисления коэффициента ранговой корреляции Спирмена и U-критерия Манна-Уитни в программе Statistica 10.

Результаты

Предпринят ретроспективный анализ трудных жизненных ситуаций, включающий ситуации нанесения вреда, ущерба и стеснения, а также утрату психологического равновесия. Представим результаты, полученные при тестировании.

На основании средних баллов по тесту ПТЖС в адаптации Н.Е. Водопьяновой, выявлено, что алкозависимые мужчины и женщины в трудной жизненной ситуации проявляют жалость к себе (9,7 и 12,4) и агрессию к окружающим (14,7 и 10,8), употребляют ПАВ (20,5 и 22). Агрессия присуща мужчинам (Уэмп = 298), для женщин характерна жалость к себе (Уэмп = 326) и употребление алкоголя (Уэмп = 263). Мужчины и женщины в контрольной группе избирают эффективные стратегии: самоодобрение (10,6 и 7,3), самоутверждение (10,8 и 9,4), контроль над ситуацией (12,4 и 10,8). Алкозависимость снижает самоконтроль: у мужчин ($r_s = -0,646$) и женщин ($r_s = -0,571$), утрачивается контроль над ситуацией: у мужчин ($r_s = -0,735$) и у женщин ($r_s = -0,725$). Поведение дезадаптивно, не имеет проблемной ориентированности.

Применение опросника «Способы совладающего поведения» Р. Лазаруса и С. Фолкман выявило высокую конфронтативную готовность респондентов экспери-

ментальной группы (63,3% мужчин и 53,3% женщин), а также необходимость в поиске социальной поддержки (80% мужчин и 86,7% женщин), наряду со склонностью к избеганию трудностей (80% мужчин и 86,7% женщин). У алкозависимых мужчин и женщин отсутствует выраженность стратегий адаптивной категории: самоконтроль, принятие ответственности, планирование решения проблемы. Значимые различия указывают на преобладание данных стратегий в контрольной группе. Готовность к конфронтационному взаимодействию снижается при алкозависимости, как у мужчин ($r_s = -0,542$), так и у женщин ($r_s = -0,414$), что связано с угнетающим физиологическим действием алкоголя на личность. При алкогольной зависимости у мужчин ($r_s = 0,77$) и женщин ($r_s = 0,81$) повышается поиск социальной поддержки, направленный на получение сочувствия. Снижение самоконтроля для мужчин ($r_s = -0,33$) и женщин ($r_s = -0,522$) при алкоголизации обусловлено регрессией волевой регуляции личности. Данный механизм может обуславливать снижение принятия ответственности: у мужчин ($r_s = 0,425$) и женщин ($r_s = -0,593$), а также планирования решения проблемы: у мужчин ($r_s = -0,542$) и женщин ($r_s = -0,776$).

Опросник, определяющий склонность к развитию стресса (по Т.А. Немчину и С. Тейлору), выявил низкую стрессоустойчивость у 73,3% мужчин и 80% женщин с алкогольной зависимостью, что указывает на актуальное стрессовое состояние. Респонденты без алкозависимости проявляют достаточную степень стресс-адаптированности: 63% мужчин и 50% женщин. Низкая стрессоустойчивость преобладает у аддитивных мужчин (Уэмп = 76) и женщин (Уэмп = 78). Алкоголизация значительно снижает стрессоустойчивость у мужчин ($r_s = -0,498$) и женщин ($r_s = -0,85$).

Опросник «Уровень субъективного контроля» (УСК), Е.Ф. Бажин, Е.А. Голынкина, Л.М. Эткинд выявляет общую экстернальность алкозависимых (100%), достижения и неудачи – следствие внешнего влияния и обстоятельств. Отсутствует личная ответственность в семейных и межличностных отношениях. Отрицается значимость влияния алкогольного образа жизни на здоровье (100% мужчин и 93,3% женщин). Отсутствие различий показателей в экспериментальной группе указывает на пассивность, неуверенность аддиктов вне зависимости от пола. Алкогольная деградация личности снижает субъективный контроль всех исследуемых сфер, общая интернальность: как у мужчин ($r_s = -0,836$), так и у женщин ($r_s = -0,75$); интернальность в области неудач: у мужчин ($r_s = -0,708$) и женщин ($r_s = -0,72$); интернальность в семейных отношениях: у исследуемых мужчин ($r_s = -0,759$) и женщин ($r_s = -0,402$). Алкогольная зависимость снижает личную ответственность за состояние здоровья: у мужчин ($r_s = -0,833$) и у женщин ($r_s = -0,831$).

Шкала удовлетворенности жизнью Э. Динера выявляет, что 83,3% аддитивных мужчин и 93,3% женщин, негативно оценивают жизненные события. Алкозависимость снижает уровень удовлетворенности жизнью у мужчин ($r_s = -0,25$) и у женщин ($r_s = -0,75$). Результаты можно аргументировать механизмом действия алкоголя как вещества-депрессанта и фактом его общего патологического влияния на личность.

Применение Мичиганского скрининг-теста алкоголизма (MAST) выявляет отсутствие алкозависимости у 90% мужчин и 96,7% женщин контрольной группы, а также подозрение на синдром зависимости от алкоголя у 10% мужчин и 3,3% женщин, что на этапе проведения исследования некорректно рассматривать как заболевание. Респонденты экспериментальной группы – пациенты наркологических отделений, синдром алкозависимости (100%).

Обсуждение результатов

В результате проведения эмпирической части исследования в контрольной и экспериментальной группе респондентов выявлены значимые различия относительно преобладающих стратегий преодоления трудных жизненных ситуаций. Испытуемые без алкогольного анамнеза, вне зависимости от пола, демонстрируют преобладание эффективных копинг-стратегий, обеспечивающих их успешную адаптацию в ситуации стресса, склонны к инициативности, направленной на преобразование затруднительной ситуации. Женщины способны адаптироваться к ситуации, а мужчины стремятся преодолеть стресс посредством использования личных ресурсов, в некоторых случаях пренебрегая внешней помощью, что также подтверждают исследования Ялтонского В. М., Сироты Н. А., Видерман, Н. С., и др. (1999). В работе отмечается, что мужчины отвергают инициативу в обращении за социальной поддержкой, связывая решение с необходимостью сохранить самоуважение, компетентность. Женщины преимущественно ориентированы на эмоционально-сфокусированные стратегии преодоления трудных жизненных ситуаций, однако, это не исключает применения усилий, связанных с планированием решения проблемы. Мужчины демонстрируют приоритетность выбора проблемно-сфокусированных стратегий преодоления, руководствуются самостоятельностью и независимостью в принятии решений относительно необходимых действий (Ялтонский, Сирота, Видерман и др., 1999).

В группе аддиктивных лиц, вне зависимости от пола, представлены исключительно пассивные стратегии, выбор которых детерминирован алкогольной зависимостью, истощенными и некорректно сформированными копинг-ресурсами. Копинг-ресурсы аддиктивной личности отличаются неустойчивостью и малой дифференцированностью (Милаева, 2023). Больные алкоголизмом недостаточно осознают проблемы, связанные с социальным взаимодействием, склонны игнорировать нормы поведения (Фоломкин и Вепренцова, 2021). В целом, выявляется универсальность алкоголизма как заболевания без наличия половых различий (Шайдукова, 2012). Совладающий комплекс алкоголизованных мужчин и женщин представлен сходными стратегиями преодоления трудностей, что вероятнее всего, можно объяснить фактом выраженной алкогольной деградации, нивелировании личностных различий и уплощении индивидуальности, что подтверждается данными исследований, представленными Беляевой Е. Н. (2017). Вместе с тем, в работах Егорова А. Ю. (2005), Шайдуковой Л. К. (2005, 2019) отмечается, что алкогольная деградация личности, как и социальная дезадаптация формируется быстрее у женщин, чем у мужчин. Таким образом, выявлено, что отличительными особенностями поведения алкоголизованных мужчин и женщин являются: высокий уровень бегства от стрессовой ситуации, повышенная конфронтативная готовность и агрессия, поиск социальной поддержки, скорее имеющий форму ориентации на алкогольную микросреду, а также прием лекарств (ПАВ).

Так же существуют различия в стрессоустойчивости неаддиктивных и аддиктивных лиц, связанные с алкоголизмом. В независимости от пола деструктивное влияние ПАВ на нервную систему, наряду с возникающим психоэмоциональным напряжением, вследствие избрания неэффективной копинг-стратегии, снижает резистентность к стрессорам, в дальнейшем определяя низкий уровень стрессоустойчивости аддиктов (Barman, 2019). Различия выраженности интернальности локуса контроля респондентов также детерминируются алкогольной зависимостью. Аддиктивные испытуемые, вне зависимости от пола, демонстрируют экстернальность во всех исследуемых областях субъективного контроля, тогда как респондентам контрольной группы присуща вну-

тренняя локализация локуса контроля. Преобладание экстернальности способствует также снижению внутренней тревоги при обнаружении у себя признаков зависимости и отрицанию наличия у себя заболевания (Кадыров, Ковалев, Капустина, Ильина, 2019). Утрачивается ощущение собственной сопричастности при взаимодействии с людьми в основных сферах общественной жизни: наблюдается не только тенденция к делегированию ответственности, но и общее пренебрежительное отношение, утрата субординации и уважения к личным границам других (Чхиквадзе и Беляева, 2018). Выступая в качестве фактора, влияющего на выбор копинг-стратегий, респонденты-экстерналы отдают приоритет пассивным стратегиям совладания, приводящим к дезадаптации.

В независимости от пола респондентов отмечаются различия показателей удовлетворенности жизнью у испытуемых без алкогольной зависимости, а также алкогольных, обусловленные влиянием чрезмерного употребления спиртного. Полученный результат можно обосновать механизмом физиологического действия алкоголя как вещества-депрессанта, а также фактом его общего патологического влияния на личность. Также утрачивается прежнее соматическое состояние, социальный статус, что влияет на общий уровень удовлетворенности аддиктивов.

Таким образом, выявлено, что вне зависимости от специфики этиологии, патогенеза и клинической картины, алкоголь выступает в качестве единого характерного компонента в контексте преодоления трудных жизненных ситуаций. Посредством его употребления достигается частичная или полная редукция психоэмоционального напряжения. Избираемые стратегии поведения не оказывают положительного влияния на адаптацию алкозависимого, поскольку попытки преодоления трудных жизненных ситуаций имеют псевдоадаптивный и иллюзорный характер. Решение актуальной проблемы и прием алкоголя расценивается как действенный вариант совладания со стрессом вне зависимости от пола аддиктивной личности.

Литература

- Беляева, Е. Н. (2017). Динамика личностных изменений больных алкоголизмом. *Актуальные проблемы психологии и педагогики в современном мире*, 23, 167–174.
- Егоров, А. Ю., & Шайдукова, Л. К. (2005). Современные особенности алкоголизма у женщин: возрастной аспект. *Наркология*, 9, 49–55.
- Кадыров, Р. В., Ковалев, И. А., Капустина, Т. В., & Ильина, И. С. (2019). Совладающее поведение и психологические защиты у наркозависимых с психической травмой раннего возраста. *Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика, психология*, 2, 82–87.
- Милаева, Т. В. (2023). Особенности Я–концепции и копинг поведения у людей с алкогольной зависимостью. *Society and Security Insights*, 6(1), 107–124.
- Фоломкин, И. М., & Вепренцова, С. Ю. (2021). Особенности копинг стратегий и механизмов психологической защиты у лиц с алкогольной зависимостью. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика*, 4(5), 91–102.
- Чхиквадзе, Т. В., & Беляева, Е. Н. (2018). Особенности копинга и механизмов психологической защиты у лиц с алкогольной зависимостью. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика*, 15(1), 94–108.
- Шайдукова, Л. К. (2012). Конституционально–психологические особенности нарушений полоролевого поведения женщин, злоупотребляющих алкоголем. *Практическая медицина*, 57, 118–121.
- Шайдукова, Л. К. (2019). Расширение понимания алкогольной ассортативности: стратегия сохранения "алкогольного брака". *Наркология*, 18(4), 90–96.
- Шубникова, Е. Г. (2017). Копинг–превенция зависимого поведения детей и подростков. *Вопросы психического здоровья детей и подростков*, 17(2), 273–274.

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

- Ялтонский, В. М. (2007) Первичная профилактика химических и поведенческих аддикций у подростков: тенденции изменения и возможности реализации. *Психическое здоровье детей. Проблемы и пути решения*, 34.
- Ялтонский, В. М., Сирота, Н. А., Видерман, Н. С., & Дорофеева, Р. Д. (1999). Сравнительное исследование копинг-стратегий больных алкоголизмом и здоровых. *Вопросы наркологии*, 4, 50–53.
- Barman, H. (2019). Coping strategies used by wives of patients with alcohol related disorders. *International Journal of Nursing Education and Research*, 7(2), 237–241.
- Biggs, A., Brough, P., & Drummond, S. (2019). *Lazarus and Folkman's psychological stress and coping theory*. The handbook of stress and health: A guide to research and practice, 349–364.
- Heim E. (1988). Koping and adaptavited gibtes geeignetes oder ungeeignetes koping. *Psychother, Psychosom. Med. Psychol. H.*, 1. 8–15.
- Lazarus, R. S. (1998). *The stress and coping paradigm*. Fifty years of the research and theory of RS Lazarus: *An analysis of historical and perennial Issues*, 182–220.

References

- Barman, H. (2019). Coping strategies used by wives of patients with alcohol related disorders. *International Journal of Nursing Education and Research*, 7(2), 237–241.
- Belyaeva, E. N. (2017). Dynamics of personal changes in alcoholism patients. *Actual problems of psychology and pedagogy in the modern world*, 23, 167–174.
- Biggs, A., Brough, P., & Drummond, S. (2019). *Lazarus and Folkman's psychological stress and coping theory*. The handbook of stress and health: A guide to research and practice, 349–364.
- Chkhikvadze, T. V., & Belyaeva, E. N. (2018). Features of coping and mechanisms of psychological protection in people with alcohol dependence. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Psychology and Pedagogy*, 15(1), 94–108.
- Egorov, A. Y., & Shaidukova, L. K. (2005). Modern features of alcoholism in women: age aspect. *Narcology*, 9, 49–55.
- Folomkin, I. M., & Veprentsova, S. Yu. (2021). Features of coping strategies and mechanisms of psychological protection in people with alcohol dependence. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Psychology and Pedagogy*, 4(5), 91–102.
- Heim E. (1988). Koping and adaptavited gibtes geeignetes oder ungeeignetes koping. *Psychother, Psychosom. Med. Psychol. H.*, 1. 8–15.
- Kadyrov, R. V., Kovalev, I. A., Kapustina, T. V., & Ilyina, I. S. (2019). Coping behavior and psychological defenses in drug addicts with mental trauma at an early age. *Vector of science of Togliatti State University. Series: Pedagogy, Psychology*, 2, 82–87.
- Lazarus, R. S. (1998). *The stress and coping paradigm*. Fifty years of the research and theory of RS Lazarus: *An analysis of historical and perennial Issues*, 182–220.
- Milaeva, T. V. (2023). Features of Self-concept and coping behavior in people with alcohol addiction. *Society and Security Insights*, 6(1), 107–124.
- Shaidukova, L. K. (2012). Constitutional and psychological features of violations of gender-role behavior of women who abuse alcohol. *Practical Medicine*, 57, 118–121.
- Shaidukova, L. K. (2019). Expanding the understanding of alcoholic assortativity: a strategy for preserving "alcoholic marriage". *Narcology*, 18(4), 90–96.
- Shubnikova, E. G. (2017). Coping is the prevention of dependent behavior of children and adolescents. *Mental health issues of children and adolescents*, 17(2), 273–274.
- Yaltonsky, V. M. (2007) Primary prevention of chemical and behavioral addictions in adolescents: trends of change and possibilities of implementation. *Mental health of children. Problems and Solutions*, 34.
- Yaltonsky, V. M., Sirota, N. A., Viderman, N. S., & Dorofeeva, R. D. (1999). Comparative study of coping strategies of alcoholism patients and healthy. *Questions of narcology*, 4, 50–53.

Информация о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

Обзор исследований Эго-состояний в контексте структурного и транзакционного анализа Эрика Берна

Валерия В. Ребенюк^{1*}

¹ Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону,
Российская Федерация

* Почта ответственного автора: rebenok@sfedu.ru

Аннотация

Во «Введении» приводится актуальность изучения вопроса межличностного взаимодействия и общения с точки зрения структурного и транзакционного анализа Эрика Берна. Новизна исследования состоит в том, что в данной статье впервые осуществлён обзор отечественных и зарубежных исследований, изучающих общение и взаимодействие, а также доминирующие Эго-состояния определённых социальных групп в контексте транзакционного и структурного анализа Э. Берна. Определены недостаточно изученные вопросы данной проблемы и пути дальнейшего развития исследований в рамках транзакционного и структурного анализа Э. Берна. При проведении данного обзора, в разделе «Теоретическое обоснование» автором выявлено, что изучением Эго-состояний в рамках транзакционного анализа Э. Берна занимались как зарубежные, так и отечественные исследователи. Как правило, это работы, посвященные изучению и описанию взаимодействия с точки зрения структурного и транзакционного анализа (Попов, 2011), (Саватеев и Саватеева, 2018); рассмотрению конфликтных ситуаций с точки зрения транзактного анализа Э. Берна (Литвиненко, 2019), (Левина, 2019); выявлению корреляций между Эго-состояниями и определёнными характеристиками личности (Ciucur, 2013); составлению классификации на основе данной теории (Мальшев и Мальшева, 2019); выявлению преобладающих Эго-состояний респондентов определённых социальных групп (Boholst, 2003), (Kecsesi & Tasosak, 2009), (Ионова, 2015), (Левина, 2019) и др. В «Обсуждении результатов» автор обращает внимание на отдельные работы рассмотренных исследователей, выделяет некоторые противоречия. Автором обнаружено мало эмпирических исследований, посвящённых непосредственному изучению поведения человека с точки зрения транзакционного анализа Э. Берна. Также не было обнаружено работ по изучению

особенностей вербального и невербального общения и поведения людей, находящихся в различных Эго-состояниях.

Ключевые слова

транзакционный анализ Берна, Эго-состояние, структурный анализ, транзакция, взаимодействие, связь

Для цитирования

Ребенко, В. В. (2023). Обзор исследований Эго-состояний в контексте структурного и транзакционного анализа Эрика Берна. *Северо-Кавказский Психологический вестник*, 21(1), 58–70, <https://doi.org/10.21702/ncpb.2023.1.6>

The review of studies Ego-states based on the structural and transactional analysis by Eric Berne

Valeria V. Rebenok^{1*}

¹ Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation

* E-mail: rebenok@sfedu.ru

Abstract

The "Introduction" presents the relevance of studying the issue of interpersonal interaction and communication from the point of view of structural and transactional analysis by Eric Bern. The novelty of the research lies in the fact that this article for the first time reviews domestic and foreign studies studying communication and interaction, as well as the dominant Ego states of certain social groups in the context of E. Bern's transactional and structural analysis. The insufficiently studied and never-before-discussed issues of this problem and the ways of further development of research within the framework of E. Bern's transactional and structural analysis are identified. During this review, in the section "Theoretical justification", the author revealed that both foreign and domestic researchers were engaged in the study of Ego states within the framework of E. Bern's transactional analysis. As a rule, these are works devoted to the study and description of interaction from the point of view of structural and transactional analysis (Popov, 2011), (Savateev and Savateeva, 2018); to consider conflict situations from the point of view of E. Bern's transactional analysis (Litvinenko, 2019), (Levina, 2019); to identify correlations between Ego states and certain personality characteristics (Ciucur, 2013); to compile a classification based on this theory (Malyshev and Malysheva, 2019); to identify the predominant Ego states

of respondents of certain social groups (Boholst, 2003), (Kececi & Tasocak, 2009), (Ionova, 2015), (Levin, 2019), etc. In the "Discussion of the results", the author draws attention to individual works of the researchers considered, highlights some contradictions. The author has found few empirical studies devoted to the direct study of human behavior from the point of view of E. Bern's transactional analysis. There were also no studies on the features of verbal and nonverbal communication and behavior of people in different Ego states.

Keywords

Berne's transactional analysis, Ego-state, structural analysis, transaction, interaction, correlation

For citation

Rebenok V. V. (2023). The review of studies Ego-states based on the structural and transactional analysis by Eric Berne. *North-Caucasian Psychological Bulletin*, 21(1), 58–70. (in Russ.). <https://doi.org/10.21702/ncpb.2023.1.6>

Введение

Общение является неотъемлемой частью социальной жизни личности. Человек постоянно вступает во взаимодействие с другими людьми, тем или иным образом проявляет себя при общении. По мнению Е. В. Андриенко, межличностные отношения – это социальная система, в основе которой находится человек со своими потребностями и мотивами, индивидуальными особенностями, целями и характеристиками (Халитова, 2022). Как говорит Н. Н. Обозов, «межличностные отношения – взаимная готовность субъектов к определённому типу взаимодействия» (Халитова, 2022, с. 2).

Изучением общения и взаимодействия в рамках транзакционного и структурного анализа занимался американский психиатр Эрик Берн. Так, им были определены три Эго-состояния и транзакции, возникающие в процессе межличностного взаимодействия. Транзакции бывают как скрытые, так и прямые, делящиеся, в свою очередь, на дополнительные и пересекающиеся (Берн Э, 2006). Именно пересекающиеся транзакции являются частой причиной конфликтов и прекращения конструктивного взаимодействия между людьми.

Скрытые транзакции, по Э. Берну, являются основой для «игр», включающих жизненные сценарии (Берн Э, 2006). Проигрывание их игроками может вызывать негативные эмоции, переживания, эмоциональную нестабильность в отношениях при вхождении в определённые роли и взаимодействии с другими участниками «игры». Это отвращает жизнь, отрицательно влияет на личность, препятствуя её развитию, заставляя проигрывать один и тот же сценарий снова и снова, детерминируя поведение и оказывая прямое влияние на судьбу. Что мешает естественным изменениям как внутри личности, так и в отношениях. Иногда люди могут прожить всю жизнь, проигрывая один и тот же сценарий.

Существует и такая форма взаимодействия между людьми, как манипуляция. Так, по мнению исследователей (Э. Шостром, Д. Карнеги, В. Шейнов, В. Курбатов): «Манипуляция – это скрытая форма управления человеком, осуществляемая против

его воли и приносящая манипулятору односторонние преимущества» (Супрун, 2003, с. 127). То есть, объект манипулирования часто может не осознавать оказываемого на него воздействия и, в результате этого, оказываться в невыигрышном положении. В исследовании, проведённом Г. Б. Супрун, приводится вывод о влиянии на эффективность манипулирования в процессе межличностного взаимодействия таких факторов, как: 1) тип манипулятора (активный, пассивный, актуализатор), 2) уровень знаний невербальной зрительной и слуховой коммуникации и 3) эмоционально-поведенческое реагирование участников (Супрун, 2003).

Автором выявлена научная проблема недостаточного эмпирического изучения взаимодействия. В психодиагностике неизменно применяется и практикуется, в основном, изучение отдельных срезов данных респондентов или же следов их психических процессов (Попов А. Ю., 2011). Таким образом, даже большинство исследований активности и динамических процессов в психологии представляют из себя лишь изучение разных статистических срезов и, как правило, проявившиеся различия количественных (реже качественных) данных между ними.

Взаимодействие же – это процесс, протекающий непосредственно, развёртывающийся в определённой точке времени и пространства, однако он практически не изучается в его живом, естественном проявлении, с использованием необходимых для этого методов: наблюдения, эксперимента, анализа отснятого видеоматериала и др. Такие, казалось бы, необходимые, исследования редки, их обнаружено крайне мало.

Чтобы предотвращать деструктивные отношения, человеку необходимо понимать процессы, происходящие при взаимодействии в конкретный момент времени, анализировать процесс общения с определёнными людьми, влияющими на него, отслеживать возникающие реакции, выявлять пересекающиеся и скрытые транзакции. Несомненно, для этих целей необходимо основываться на изучении соответствующего теоретического материала, что подтверждает значимость и актуальность данной работы.

Теоретическое обоснование

1. Трактовка Эго-состояний с позиции транзакционного анализа Эрика Берна

Транзакционный анализ был разработан в 50-е годы 20-го века американским психиатром Эриком Берном. Суть транзакционного анализа заключается в том, чтобы рассмотреть общение людей с точки зрения взаимодействия собеседников, находящихся в различных Эго-состояниях, и теми или иными вербальными и невербальными способами транслирующих их друг другу. Данные состояния «Я» могут сменяться у каждого участника в процессе их активного взаимодействия.

Рассмотрим более подробно структурный анализ, описанный Э. Берном в книге «Игры, в которые играют люди» (впервые опубликована в 1964 году), необходимый для понимания хода взаимодействия с точки зрения транзакционного анализа. В процессе жизни человек усваивает определённый набор паттернов поведения, которые, проявляясь, выражают конкретное состояние его сознания. Поскольку со сменой психического состояния изменяется и набор схем поведения, можно говорить о существовании различных состояний Эго, то есть, состояний «Я» человека (Берн, 2006). Всего выделяется 3 таких Эго-состояния, классифицируемые Берном как: 1) Состояния Эго, сходные с образами родителей – «Родитель»; 2) направленные на объективную оценку существующей действительности – «Взрослый»; 3) существующие с момента фиксации в раннем детстве человека – «Ребёнок» (Берн, 2006).

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

Эго-состояние «Родитель» может проявлять себя как напрямую – активное состояние «Я» – человек ведёт себя так же, как и его родители, копирует их поведение; так и косвенно – человек действует под влиянием состояния Родитель, делает то, что от него ожидается («Делай, как я говорю»), подчиняется и соответствует требованиям родителей. То есть, поступает так, как было бы правильно, как одобрили бы родители. В целом, данное состояние «Я» помогает наиболее успешно играть роль настоящего родителя, проявлять себя при воспитании детей. А также сберечь силы и время при выполнении автоматизированных действий и при решении бытовых вопросов, основываясь на убеждении «Потому что так принято», не тратя ресурсы на сложный анализ.

Эго-состояние «Взрослый» проявляется, когда человек аналитически и непредвзято перерабатывает информацию и рассчитывает вероятности для наиболее эффективного взаимодействия со средой. Оно требует осознанности и объективного анализа окружающей действительности. Преобладание данного состояния «Я», как правило, доступно «зрелой» личности. Человек имеет представление о том, что может доставить ему удовольствие, объективно оценивает ситуацию и учится на ошибках. Так, данное Эго-состояние является посредником между «Родителем» и «Ребёнком».

Эго-состояние «Ребёнок» может проявляться как «Ребёнок Естественный» (Ребёнок Свободный) и «Ребёнок Адаптировавшийся». В первом случае человек ведёт себя более непосредственно, проявляет творческие порывы, непослушание, бунтует. Во втором – ребёнок приспосабливается к ожиданиям родителей, что выражается в его чрезмерной зависимости от родителей и несамостоятельности, либо же в не соответствующей возрасту самостоятельности. Примерами адаптации также могут служить «нытьё» или «уход в себя». В целом, Эго-состояние «Ребёнок» проявляется в эмоциональности, интуиции, творчестве, спонтанности (Берн, 2006).

Возвращаясь непосредственно к транзакционному анализу Э. Берна, необходимо сказать, что транзакция представляет собой единицу взаимодействия. Существует транзакционный стимул – это проявление своей осведомленности о существовании другого, замечание его, в разговоре или иным образом – импульс, сопровождаемый совокупностью вербальных и невербальных проявлений, который человек посылает участнику или участникам взаимодействия. И транзакционная реакция – ответ собеседника на данный стимул. Так, в ходе транзакционного анализа даётся ответ на вопрос: человек в каком состоянии «Я» посылает транзакционный стимул, и какое состояние «Я» его собеседника даёт транзакционную реакцию (Берн, 2006). При непосредственном взаимодействии соответствующая реакция становится стимулом.

Транзакции бывают дополнительными, когда стимул вызывает соответствующую ожидаемую и естественную реакцию собеседника, и пересекающимися – стимул предполагает отношения между определёнными Эго-состояниями, но собеседник реагирует неожиданным для посылающего стимул состоянием «Я» (Берн, 2006). Так, например, при дополнительной транзакции собеседники взаимодействуют как Родитель – Ребёнок, когда собеседник 1 посылает стимул от Эго-состояния «Родитель» к «Ребёнку», а собеседник 2 реагирует Эго-состоянием «Ребёнок» и, вместе с тем, посылает стимул к Эго-состоянию «Родитель». Оба участника согласны на данное взаимодействие, принимают посылаемые и транслируемые друг другу состояния «Я». Как правило, при дополнительных транзакциях коммуникация проходит гладко, она более длительная (собеседники удовлетворены занимаемыми в процессе взаимодействия Эго-состояниями).

Иная ситуация происходит при пересекающихся транзакциях. Например, собеседник 1 посылает стимул, транслирующий его Эго-состояние «Родитель» и предполагающий принятие собеседником 2 Эго-состояния «Ребёнок». Но собеседник 2 реагирует на это Эго-состоянием «Взрослый», посылая при этом соответствующий стимул ко «Взрослому». Из-за несоответствия ожидаемого и получаемого Эго-состояний может произойти непонимание, возмущение и неудовлетворённость собеседника 1, что нередко приводит к возникновению конфликта и прекращению взаимодействия.

Также существуют скрытые транзакции, в которых одновременно задействованы более двух Эго-состояний. Это могут быть угловые (3 Эго-состояния, два из которых на поверхности, а одно – скрыто) и двойные транзакции (участвуют 4 состояния «Я», при этом скрыто уже два из них, по одному у каждого участника). Примером угловой транзакции служит случай, когда на социальном, внешнем уровне, собеседник 1 обращается к собеседнику 2 как Взрослый ко Взрослому, а на внутреннем, психологическом – как Взрослый к Ребёнку. В случае двойной скрытой транзакции собеседники могут общаться, например, на внешнем социальном уровне как два Родителя, Родитель и Взрослый или два Взрослых, а на внутреннем психологическом – как два Ребёнка.

Таким образом, транзакционный анализ представляет из себя анализ взаимодействия между людьми, в ходе которого собеседники неизбежно входят в одно из существующих Эго-состояний, постоянно сменяющих друг друга. Транзакции бывают простые: дополнительные и пересекающиеся; или скрытые, выражающие одни состояния «Я» на социальном уровне, но при этом, предполагающие другие – на психологическом. При транзакционном анализе можно отслеживать стимулы и реакции участников взаимодействия, определять простые и выявлять скрытые транзакции.

2. Эмпирические исследования, посвящённые транзакционному и структурному анализу

Изучением Эго-состояний в рамках транзакционного анализа Эрика Берна занимались как зарубежные, так и отечественные исследователи. Как правило, это работы, посвященные изучению и описанию взаимодействия с точки зрения структурного и транзакционного анализа (Попов, 2011), (Саватеев и Саватеева, 2018); рассмотрению конфликтных ситуаций с точки зрения транзактного анализа Э. Берна (Литвиненко, 2019), (Левина, 2019); выявлению корреляций между Эго-состояниями и определёнными характеристиками личности (Сисиг, 2013); составлению классификации на основе данной теории (Малышев и Малышева, 2019); выявлению преобладающих Эго-состояний респондентов определённых социальных групп (Boholst, 2003), (Kececi & Tasocak, 2009), (Ионова, 2015), (Левина, 2019) и др.

Значимую работу в изучении Эго-состояний проделали К. Б. Малышев и О. А. Малышева. На основе структурного анализа Э. Берна, авторы выделяют 6 Эго-состояний: 1) Дитя Свободное (Ребёнок естественный по Берну); 2) Дитя Адаптивное (Ребенок адаптировавшийся); 3) Родитель Контролирующий – поведение человека обусловлено управлением, контролем и критикой. Проявление авторитарности и недружелюбия; 4) Родитель Воспитывающий – поведение человека с точки зрения помощи другим, заботы, воспитания. Проявление опеки, ласки, дружелюбия; 5) Взрослый Познующий – выражены готовность к решению умственных задач, любовь к познанию нового, мыслит аналитически, проявлена самостоятельность, креативность; 6) Взрослый Организующий – имеет склонность к руководству, организаторской деятельности. Проявляются импульсивность, любовь к признанию и желание авторитарной позиции (Малышев и Малышева, 2019).

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

В данной работе, на основе принципа семантической близости, соотносятся типологии: Эго-состояний, межличностного поведения людей в группе по Б. Бейлзу и личности по Д. Голланду. Так, Дитя Свободное соотносится с Доминированием (Бейлз) и Артистическим типом (Голланд); Дитя Адаптивное – Подчинение (Бейлз) – Конвенциональный тип (Голланд); Родитель Контролирующий – Недружелюбность (Бейлз) – Реалистический тип (Голланд); Родитель Воспитывающий – Дружелюбность (Бейлз) – Социальный тип (Голланд); Взрослый Познающий – Аналитичность (Бейлз) – Интеллектуальный тип (Голланд); Взрослый Организующий – Эмоциональность (Бейлз) – Предприимчивый тип (Голланд) (Малышев и Малышева, 2019).

D. Ciucur выявил положительные и отрицательные связи между доминирующими Эго-состояниями человека и некоторыми характеристиками его личности при помощи опросника Большой пятерки (BFI) Оливера Джона и Кристофера Сото. Так, результаты выявили положительные корреляции между Эго-состоянием «Адаптированный Ребёнок» и Осознанностью, а также между «Естественным Ребёнком» и Экстраверсией. Отрицательные корреляции между: Эго-состоянием «Критический Родитель» и Сговорчивостью, «Адаптированным Ребенком» и Эмоциональной стабильностью, «Естественным Ребёнком» и Доброжелательностью (Ciucur, 2013).

Игры, трактующиеся в рамках транзакционного анализа Э. Берна, могут существовать и в образовательной среде. Так, в статье Д. А. Саватеева и О. В. Саватеевой описаны те игры, в которые вступают преподаватель и студент (Саватеев и Саватеева, 2018). Авторами приведён пример, в котором ярко выражена скрытая дополнительная транзакция. Так, преподаватель обращается к студенту с вопросом: «Что такое логика?», что на внешнем социальном уровне может выглядеть как взаимодействие «Взрослый» - «Взрослый», но на внутреннем психологическом осуществляется транзакцией «Взрослый» - «Ребёнок» (скрытая угловая транзакция). На самом деле, преподаватель знает ответ на данный вопрос, как и студент понимает очевидную осведомлённость в этом преподавателя. Но при этом участники принимают те Эго-состояния, которые предполагаются для её осуществления (признак дополнительной транзакции). Они соглашаются на данную игру: преподаватель получит свою выгоду – проверит знания студента, студент же принимает данные условия, вступая в неё. Игра бы не смогла развиваться, если бы студент ответил с позиции Взрослого: «Вы сами знаете ответ на этот вопрос». Однако он принимает своё состояние «Я» «Ребёнок», (чем «подыгрывает преподавателю»), отвечает, что такое логика, и игра благополучно продолжается.

В статье также рассматриваются традиционные, существующие всегда, игры между студентом и преподавателем, такие, как: «Сдача предмета», «Как бы сдать этот предмет» и «Изучение предмета» (Саватеев и Саватеева, 2018). Так, преподаватели, формально выполняющие свою работу, охотно принимают правила игры «Сдача предмета», заключающуюся в том, чтобы студенты получили оценку в зачётной книжке о сдаче определённой дисциплины, независимо от уровня реального усвоения её. Более творческие преподаватели, лично заинтересованные в обучении студентов, стремятся подвести игру «Изучение предмета» к совместной работе или организовать форму межличностной коммуникации студентов при обучении. Если изучить дисциплину в силу разных обстоятельств не удаётся, студенты начинают играть в «Как бы сдать этот предмет». При этом, как отмечает Эрик Берн, если один из игроков начинает нарушать её правила, то есть, вести себя несоответственно предполагаемой участниками игры роли, это может вызвать негативную ответную

реакцию остальных игроков (Берн, 2006). Так, например, если в игре «Сдача предмета», предполагающую неприязненное отношение преподавателя, последний начнёт требовать от студентов глубокие знания, они отрицательно воспримут данное обстоятельство, ощутят недоумение, что, в общем, будет оправдано.

Токаревой В. Б. были выявлены взаимосвязи между Эго-состояниями и уровнем субъективного локуса контроля у студентов старшего курса. Так, в исследовании было определено, что существует прямая (положительная) взаимосвязь между показателями интернальности в области достижения успеха и Эго-состоянием «Взрослый». То есть, чем выше у обучающихся принятие ответственности за свои достижения, тем сильнее выражено состояние «Я-Взрослый» (Токарева, 2022). Аналогичная связь выявлена между Эго-состоянием «Взрослый» и интернальностью в сфере семейных отношений. Автор объясняет это сепарацией от родителей как одним из этапов взросления студента высшего учебного заведения. Также была обнаружена положительная связь между преобладающим Эго-состоянием «Родитель» и интернальностью в сфере производственных отношений и обратная (отрицательная) связь между теми же показателями интернальности в области производственных отношений и Эго-состоянием «Ребенок» (Токарева, 2022).

В своей работе Николаева А. Ю. рассматривает феномен взрослости, исследует состояние субъективной взрослости как автономное и связь между субъективным состоянием взрослости и доминирующим Эго-состоянием человека. Так, при выявленном у человека субъективном состоянии взрослости автор определяет три типа в зависимости от доминирующего Эго-состояния: 1) состоявшаяся взрослость при преобладании у личности Эго-состояния «Взрослый», 2) озабоченная взрослость (доминирует Эго-состояние «Родитель») и 3) защищающаяся взрослость (у личности доминирует Эго-состояние «Ребёнок») (Николаева, 2015). Человек, определённый как субъективно взрослый с преобладающим состоянием «Я» «Взрослый» имеет отличительные черты: последовательность в достижении целей, активность, целостность личности, общая интернальность (интернальный локус контроля, принятие ответственности за произошедшее на себя). Озабоченная взрослость, как пишет автор статьи – это «субъективная взрослость, вынужденная пробиваться сквозь родительские заботы» (Николаева, 2015, с. 381). Она характеризуется: ориентированностью на внешнюю оценку, уязвимостью, связанной с проблемным отношением к защитам, соединенным с автономией. У личности с типом «защищающаяся взрослость» сама взрослость, отмеченная такими положительными свойствами субъекта, как креативность и позитивный настрой, вынуждена «пробиваться» сквозь комплекс психологических защитных механизмов (вытеснение, регрессия, замещение, отрицание, проекция, компенсация и др.) и недифференцированность Эго-позиции (Николаева, 2015).

Исследование взаимодействия с точки зрения транзакционного анализа Э. Берна было описано в статье А. Ю. Попова. В данной работе, с использованием «цепи Маркова» при анализе, было изучено взаимодействие психолога и клиента во время общения на консультации. В роли психолога и клиента выступали сами студенты, действующие по принципу озвучивания клиентом заранее заготовленного запроса и оказания ему психологической помощи. Для сбора данных во время общения респондентов была применена видеорефлексия.

После анализа материала были сделаны следующие выводы: 1) Эго-состояние психолога на 22% зависит от предшествующего эго-состояния клиента; 2) Эго-состояние клиента на 28% зависит от предшествующего состояния психолога; 3) при выборе своего Эго-состояния клиент ориентируется на своё предшествующее

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

Эго-состояние и на актуальное Эго-состояние психолога. При этом сопоставления эго-состояния психолога со своим предыдущим эго-состоянием у клиента не происходит; 4) на эго-состояние «Ребёнок» у психолога клиент более склонен реагировать эго-состоянием «Родитель» (49%) или «Взрослый» (44%). На эго-состояние «Взрослый» – эго-состояниями «Взрослый» (49%), «Ребёнок» (35%), «Родитель» (16%). На эго-состояние «Родитель» у психолога клиент реагирует эго-состоянием «Ребёнок» (71%), «Взрослый» (20%) и «Родитель» (9%). 5) Психолог на эго-состояние «Ребёнок» у клиента более склонен реагировать эго-состояниями «Родитель» (46%), «Взрослый» (44%), «Ребёнок» (10%). На эго-состояние «Взрослый» – эго-состояниями «Взрослый» (63%), «Ребёнок» (22%), «Родитель» (15%). На эго-состояние «Родитель» у клиента психолог более склонен реагировать эго-состояниями «Ребёнок» (50%), «Взрослый» (42%), «Родитель» (8%). (Попов, 2011).

Литвиненко Т. Ю. была проделана работа по описанию конфликтных ситуаций с точки зрения транзакционного анализа Э. Берна (Литвиненко, 2019). По мнению автора статьи: «длительные, конструктивные и равноправные отношения могут строиться лишь на базе одного Я-состояния у обоих партнеров» (Литвиненко, 2019, с. 27) (это параллельные транзакции). Нестабильным и приводящим к конфликту является взаимодействие, основанное на пересекающихся транзакциях. Также автором были описаны «правила коммуникации» с точки зрения транзакционного анализа.

Левиной Е. А. проведено исследование, посвящённое стратегиям поведения органов исполнительной власти города Москвы, входящему ими в различные Эго-состоянии по Эрику Берну в ситуации конфликта. Автор приводит теоретический материал по транзакционному анализу Э. Берна и пишет о том, что для успешного ведения переговоров и недопущения конфликтов, необходимо понимать, в какие Эго-состояния входит собеседник при конфликтном взаимодействии (Левина, 2019). При проведении эмпирического исследования было выявлено, что из 178 человек в данной группе респондентов Эго-состояние «Ребёнок» присуще 62 людям (46 женщинам и 16 мужчинам), «Родитель» – 58 людям (34 женщинам и 24 мужчинам) и Эго-состояние «Взрослый» также преобладает у 58 респондентов, из них 19 женщин и 39 мужчин. (Левина, 2019). Таким образом, соотношение доминирующих Эго-состояний у представителей органов исполнительной власти в общем имеет примерно одинаковое соотношение, при этом, количественно у женщин в большей степени преобладает Эго-состояние «Ребёнок», а Эго-состояние «Взрослый» присуще большему количеству мужчин.

В статье Ионовой В. Е. рассматриваются работы, посвящённые проблемам в супружеских отношениях, ролевому поведению супругов и проводится эмпирическое исследование, оценивающее занимаемые Эго-состояния брачных партнёров как фактора распределения семейных ролей. Автор полагает, что главенство в семейных отношениях определяется личностными особенностями и, в частности, доминирующими Эго-состояниями супругов (Ионова, 2015) (в противовес Н. М. Олифирович, считающей, что основная роль при определении главенства отводится характеру распределения функций и мере участия членов семьи в решении проблем) (Олифирович и др., 2012). В результате эмпирического исследования было выявлено, что доминирующее Эго-состояние «Взрослый» в одинаковой мере у жён и мужей было выявлено у 12 пар из 20. В этом случае супруги обладают в равной степени чувством ответственности, импульсивностью, в разумной мере, критика и назидательность отсутствуют. Рассогласования в парах возможны при доминировании Эго-состояний Родитель (выявлено у 1 мужчины и 3-х женщин) и Ребёнок (у 2 мужчин и 2 женщин). Таким образом, было подтверждено, что преобладающие Эго-состояния

брачных партнёров оказывают влияние на качество взаимодействия (это могут быть дополнительные или пересекающиеся транзакции) в процессе выбора ими семейных ролей. При анализе причин рассогласования и возникновения конфликтов в паре следует учитывать не только преобладающее Эго-состояние, но и всю комбинацию «эгограммы» каждого супруга (ВРД, РДВ, ДВР и др.) (Ионова, 2015).

В статье Shirai S. осуществляется обзор теории транзакционного анализа Э. Берна и её эффективность в психологическом понимании неизлечимо больных пациентов. В работе рассматриваются инструменты, предлагаемые медицинскому персоналу для оказания пациентам необходимой помощи. Так, использование эгограммы и «анализа жизненного сценария» оказалось полезным для понимания моделей поведения (поведенческих паттернов) неизлечимо больных пациентов (Shirai, 2006).

В исследовании Boholst, F. A. изучалось влияние на реакции Эго-состояний, восприятие Эго-состояний друг друга участниками психотерапевтической группы с использованием транзактного анализа в качестве теоретической базы. Было выявлено, что Эго-состояния респондентов значительно изменились через 6 недель работы в психотерапевтической группе. Так, благодаря выработанным паттернам поведения, произошло увеличение Эго-состояний: «Родитель Заботливый», «Взрослый» и «Ребенок Естественный» и сокращение Эго-состояний: «Родитель Критикующий» и «Ребенок Адаптированный» (Boholst, 2003).

В работе Kecesi, A. и Tasocak, G. подход транзакционного анализа использовался для изучения общения между преподавателями и студентами в области обучения сестринскому делу. Сбор данных в исследовании осуществлялся с помощью методов: анкетирование, интервью в фокус-группах и наблюдение. Используя подход транзактного анализа, преподаватели оценивали себя как «Взрослых» и заявляли, что они меньше всего используют Эго-состояние «Родитель Контролирующий». Студенты же отмечали, что преподаватели больше всего использовали Эго-состояние «Взрослого» и меньше всего использовали Эго-состояние «Ребёнок Свободный» (Kecesi & Tasocak, 2009).

Обсуждение результатов

В статье К. Б. Малышев и О. А. Малышева дополняют типологию Эго-состояний Э. Берна, что, иной раз, противоречит самому первоисточнику. Так, например, состояние «Взрослый» было разделено авторами на: «Взрослый Познающий» и «Взрослый Организующий». При описании Организующего Взрослого авторами употреблены следующие термины: «Импульсивен, эмоционален, может проявлять агрессивность, любит, чтобы его признавали и почитали, стремится к авторитарной позиции» (Малышев и Малышева, 2019, с. 111), что идёт вразрез с базовым описанием Эго-состояний Э. Берна. Так, эмоциональность, по Э. Берну, присуща состоянию «Ребёнок», а авторитарная позиция, скорее, «Родителю» (Берн, 2006). «Реалистический тип» по Д. Голланду, в соответствии с описанием, скорее, соотносится с Эго-состоянием «Взрослый», однако в статье авторы относят его к «Родителю Контролирующему» (Малышев и Малышева, 2019).

В своей работе Литвиненко Т. Ю. утверждает, что: «Длительные, конструктивные и равноправные отношения могут строиться лишь на базе одного Я-состояния у обоих партнеров» (Литвиненко, 2019, с. 27) и определяет это как дополнительную параллельную транзакцию. Вероятно, под этим автор понимает лишь транзакции следующего типа: «Родитель-Родитель», «Взрослый-Взрослый», «Ребёнок-Ребёнок». Но

существуют и иные дополнительные параллельные транзакции: «Родитель-Ребёнок», «Родитель-Взрослый», «Ребёнок-Взрослый». Суть дополнительной параллельной транзакции заключается в том, что оба участника принимают Эго-состояние своего партнёра по общению и также то Эго-состояние, которое собеседник ожидает от них. Процесс общения осуществляется таким образом, что каждый участник взаимодействует в изначально принятом Эго-состоянии, а ожидания каждого по поводу принятия партнёром определённого Эго-состояния оправдываются. Так, по мнению самого автора транзактного анализа, Э. Берна, не менее стабильные и долгосрочные отношения возможны и между собеседниками, где каждый взаимодействует в Эго-состоянии, отличном от Эго-состояния собеседника. Например, супружеская пара, перманентно коммуницирующая в рамках транзакции Родитель – Ребёнок. Данные отношения возможны, если супруг всегда взаимодействует с женой со своего состояния «Я» «Родитель», обращаясь к Эго-состоянию жены «Ребёнок», а супруга удовлетворена своим состоянием «Я» «Ребёнок» и Эго-состоянием «Родитель» партнёра. Если же автор статьи Литвиненко Т. Ю., говоря про «одно эго-состояние у обоих партнёров», имел в виду нечто иное, то по данному утверждению требуется уточнение.

Автором данной статьи обнаружено мало эмпирических исследований, посвящённых непосредственному изучению поведения человека с точки зрения транзакционного анализа Э. Берна. При этом проводилось крайне мало исследований с использованием таких методов, как: наблюдение, эксперимент, анализ видеоматериала. Также не было обнаружено работ по изучению особенностей вербального и невербального общения и поведения людей, находящихся в различных Эго-состояниях. Так, требуется более подробное изучение вербальных и невербальных признаков, транслируемых собеседнику во время взаимодействия, и указывающих как на Эго-состояние самого транслирующего, так и на его послание, имеющее цель поставить собеседника в определённое Эго-состояние. Иначе говоря, неизученным остаётся живое общение и поведение собеседников при транзакционном стимуле одного и транзакционной реакции на этот стимул другого.

Литература

- Берн, Э. (2006). *Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры*. Москва: Современный литератор.
- Ионова, В. Е. (2015). «Эго-состояние» супругов как фактор формирования ролевой структуры в молодой семье. *Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Психология*, 2(18), 24–33.
- Левина, Е. А. (2019). Конфликтные переговоры по Эрику Берну на примере органов исполнительной власти города Москвы. *Научный вестник Крыма*, 5(23), 15.
- Литвиненко, Т. Ю. (2019). Транзакционный анализ конфликтных ситуаций. *Евразийский Союз Ученых*, 7-1(64), 26–27.
- Малышев, К. Б. & Малышева, О. А. (2019). Системное описание и измерение эго-состояний как проблема общей психологии. *Ярославский педагогический вестник*, 4, 110–116. doi: 10.24411/1813-145X-2019-10459
- Николаева, А. Ю. (2015). Субъективное состояние взрослости в дискурсе эго-состояний. *Историческая и социально-образовательная мысль*, 7(6-1), 379–382. doi: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/1-379-382
- Олифиревич, Н. И., Валента, Т. Ф., Зинкевич-Куземкина, Т. А. (2012). *Терапия семейных систем*. Санкт-Петербург: Речь.
- Попов, А. Ю. (2011). Эмпирическое исследование процессов субъект-субъектного взаимодействия людей: принципы и первые результаты. *Психология. Психофизиология*, 5(222), 42–47.

- Саватеев, Д. А. & Саватеева, О. В. (2018). Игры, в которые играют студенты. *Проблемы современного педагогического образования*, 60(4), 360–362.
- Супрун, Г. Б. (2003). Взаимодействие людей в процессе общения. *Психопедагогика в правоохранительных органах*, 2, 127–129.
- Токарева, В. Б. (2022). Взаимосвязь эго-состояний и уровня субъективного контроля у обучающихся. *Проблемы современного педагогического образования*, 77-2, 460–462.
- Халитова, С. А. (2022). Теоретические аспекты изучения межличностных отношений в социальной психологии. Ученые записки. *Электронный научный журнал Курского государственного университета*, 4(64), 268–275.
- Boholst, F. A. (2003). Effects of Transactional Analysis Group Therapy on Ego States and Ego State Perception. *Transactional Analysis Journal*, 33(3), 254–261. doi: <https://doi.org/10.1177/036215370303300307>
- Ciucur, D. (2013). The Ego States and the "Big Five" Personality Factors. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 78, 581–585. doi: <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2013.04.355>
- Kececi, A. & Tasocak, G. (2009). Nurse faculty members' ego states: Transactional Analysis Approach. *Nurse Education Today*, 29(7), 746–752. doi: <https://doi.org/10.1016/j.nedt.2009.02.013>
- Shirai, S. (2006). How transactional analysis can be used in terminal care. *International Congress Series*, 1287, 179–184. doi: <https://doi.org/10.1016/j.ics.2005.12.052>

References

- Bern, E. (2006). *Games that people play. People who play games*. Moscow: Modern writer.
- Boholst, F. A. (2003). Effects of Transactional Analysis Group Therapy on Ego States and Ego State Perception. *Transactional Analysis Journal*, 33(3), 254–261. doi: <https://doi.org/10.1177/036215370303300307>
- Ciucur, D. (2013). The Ego States and the "Big Five" Personality Factors. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 78, 581–585. doi: <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2013.04.355>
- Ionova, V. E. (2015). The "ego state" of spouses as a factor in the formation of a role structure in a young family. *Bulletin of the Samara Humanitarian Academy. Series: Psychology*, 2(18), 24–33.
- Kececi, A. & Tasocak, G. (2009). Nurse faculty members' ego states: Transactional Analysis Approach. *Nurse Education Today*, 29(7), 746–752. doi: <https://doi.org/10.1016/j.nedt.2009.02.013>
- Khalitova, S. A. (2022). Theoretical aspects of the study of interpersonal relationships in social psychology. Scientific notes. *Electronic Scientific Journal of Kursk State University*, 4 (64), 268–275.
- Levina, E. A. (2019). Conflict negotiations on Eric Bern on the example of the executive authorities of the city of Moscow. *Scientific Bulletin of the Crimea*, 5(23), 15.
- Litvinenko, T. Yu. (2019). Transactional analysis of conflict situations. *Eurasian Union of Scientists*, 7-1(64), 26–27.
- Malyshev, K. B. & Malysheva, O. A. (2019). Systematic description and measurement of ego states as a problem of general psychology. *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, 4, 110–116. doi: [10.24411/1813-145X-2019-10459](https://doi.org/10.24411/1813-145X-2019-10459)
- Nikolaeva, A. Yu. (2015). The subjective state of adulthood in the discourse of ego states. *Historical and Socio-Educational Thought*, 7(6-1), 379–382. doi: [10.17748/2075-9908-2015-7-6/1-379-382](https://doi.org/10.17748/2075-9908-2015-7-6/1-379-382)
- Olifirovich, N. I., Valenta, T. F., Zinkevich-Kuzemkina, T. A. (2012). *Therapy of family systems*. St. Petersburg : Rech.
- Popov, A. Yu. (2011). Empirical study of the processes of subject-subject interaction of people: principles and first results. *Psychology. Psychophysiology*, 5(222), 42–47.
- Savateev, D. A. & Savateeva, O. V. (2018). Games played by students. *Problems of modern pedagogical education*, 60(4), 360–362.
- Shirai, S. (2006). How transactional analysis can be used in terminal care. *International Congress Series*, 1287, 179–184. doi: <https://doi.org/10.1016/j.ics.2005.12.052>

Suprun, G. B. (2003). Interaction of people in the process of communication. *Psychopedagogy in Law Enforcement*, 2, 127-129.

Tokareva, V. B. (2022). The relationship of ego states and the level of subjective control among students. *Problems of modern pedagogical education*, 77-2, 460-462.

Информация о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

Различия в событийно-связанных потенциалах при правильном и ошибочном восприятии эмоционально-окрашенных сцен

Константин А. Гапченко^{1*}

¹ Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

* Почта ответственного автора: kgapchenko@sfedu.ru

Аннотация

Эмоциональная специфичность зрительных компонентов событийно-связанных потенциалов (ССПС) является предметом дискуссий на протяжении долгого времени. Целью данной работы является попытка установить различия, которые связаны с правильной или ошибочной оценкой эмоциональной валентности фотографических изображений сцен. Наша гипотеза состоит в том, что различия в характеристиках ССП при совершенной ошибке значительно отличаются от характеристик ССП при правильном ответе. В исследовании приняли участие 87 человек, обучающихся в университете (средний возраст $20,4 \pm 2,6$). Анамнез испытуемых не был отягощен неврологическими или психиатрическими заболеваниями, зрение нормальное или скорректированное до нормы. В качестве стимульного материала использовались 360 фотографических изображений сцен различной эмоциональной валентности (негативные, нейтральные и позитивные – в равном соотношении). Полученные данные с электроэнцефалографа были отсортированы и преобразованы для выделения вызванных потенциалов. Далее осуществлялись визуализация данных и сравнительный анализ. Результаты исследования демонстрируют различия в ССП при правильной и ошибочной идентификации эмоциональной валентности сцен. Возникающее расхождение фиксируется в достаточно широком временном окне 100–500 мс и локализуется в областях, связанных с анализом зрительных сцен. Новизна данной работы заключается в обнаруженных различиях в ССП при правильной и ошибочной идентификации эмоциональной валентности сценических изображений, а также попытке изучить природу возникающего рассогласования. Также в ходе обсуждения были рассмотрены литературные данные о механизмах различных видов рассогласований и предпринята попытка соотнести их с полученными нами результатами.

Ключевые слова

событийно-связанные потенциалы, зрительные компоненты, валентность, рассогласование, эмоциональная специфичность, восприятие сцен

Для цитирования

Гапченко, К. А. (2023). Различия в событийно-связанных потенциалах при правильном и ошибочном восприятии эмоционально-окрашенных сцен. *Северо-Кавказский психологический вестник*, 21(1), 71–81, <https://doi.org/10.21702/ncpb.2023.1.7>

Differences in event-related potentials in the correct and erroneous perception of emotional scenes

Konstantin A. Gapchenko^{1*}

¹ Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation

* E-mail: kgapchenko@sfedu.ru

Abstract

The emotional specificity of the visual components of event-related potentials (ERPs) has been the subject of discussion for a long time. The purpose of this work is an attempt to establish the differences that are associated with a correct or erroneous assessment of the emotional valence of photographic images of scenes. Our hypothesis is that the differences in the characteristics of the ERPs with a perfect error differ significantly from the characteristics of the ERPs with the correct answer. The study involved 87 people studying at the university (average age 20.4 ± 2.6). The anamnesis of the subjects was not burdened with neurological or psychiatric diseases, vision was normal or adjusted to normal. 360 photographic images of scenes of various emotional valence (negative, neutral and positive – in equal ratio) were used as stimulus material. The data obtained from the electroencephalograph were sorted and transformed to isolate evoked potentials. Then data visualization and comparative analysis were carried out. The results of the study demonstrate differences in ERPs with correct and erroneous identification of the emotional valence of scenes. The resulting discrepancy is fixed in a wide time window of 100-500 ms and is localized in areas related to the analysis of visual scenes. The novelty of this work lies in the differences found in the ERPs with the correct and erroneous identification of the emotional valence of stage images, as well as an attempt to study the nature of the resulting mismatch. Also, during the discussion, the literature data on the mechanisms of various types of mismatches were considered and an attempt was made to correlate them with the results obtained by us.

Keywords

event-related potentials, visual components, valence, mismatch, emotional specificity, perception of scenes

For citation

Gapchenko K.A. (2023). Differences in event-related potentials in the correct and erroneous perception of emotional scenes. North-Caucasian Psychological Bulletin, 21(1), 71–81. (in Russ.). <https://doi.org/10.21702/ncpb.2023.1.7>

Введение

В настоящее время эмоциональная специфичность зрительных компонентов ССП остается предметом дискуссий (Пономарев, 2016). Широко распространены данные, свидетельствующие о влиянии пространственного расположения, размеров, формы и др. характеристик стимульного материала (Norcia, et al., 2015). Но при этом до конца не изученным остается вклад эмоционального содержания стимула в активность мозга.

Исходя из вышесказанного, целью данного исследования было установить различия в реакции мозга при правильном и ошибочном распознавании эмоционально-окрашенных сцен.

Реализация цели потребовала решения следующих задач:

- зафиксировать активность мозга в процессе восприятия и идентификации негативных, нейтральных и позитивных сценических изображений;
- визуализировать полученные в ходе эксперимента данные о ССП;
- провести качественный анализ полученных данных о ССП в ответ на негативные, нейтральные и позитивные сцены;
- провести сравнительный анализ полученных данных о ССП в ответ на негативные, нейтральные и позитивные сцены.

Наша гипотеза заключается в том, что существуют определенные различия в ССП в процессе правильного и ошибочного распознавания эмоционально-окрашенных сцен. Данная работа является лишь этапом в решении проблемы эмоциональной специфичности зрительных компонентов ССП.

Методы

Выборка

В исследовании приняли участие 87 студентов университета (женщины составили 63%) в возрасте от 19 до 25 лет (средний возраст $20,4 \pm 2,6$). У всех участников было нормальное или скорректированное до нормы зрение, в анамнезе отсутствовали неврологические или психиатрические заболевания.

Стимульный материал

В качестве стимульного материала было использовано 360 фотографических изображений сцен различной эмоциональной валентности (негативных, нейтральных и положительных – по 120 изображений для каждой категории). Все изображения были получены из открытых источников и классифицированы независимыми экспертами как негативные, нейтральные и положительные. Изображения были выравнены по яркости и контрасту. Ширина изображения составляла 22,5, высота: 18 угловых градусов.

Дизайн исследования

Респонденты располагались так, чтобы их глаза находились на расстоянии 60 см от центра экрана. Инструкция не требовала от испытуемого фиксировать взор перед подачей стимула. Изображения сцен предъявлялись в случайной последовательности на 700 мс. Испытуемый должен был определить эмоциональную валентность изображения (негативное, нейтральное или позитивное) и устно сообщить экспериментатору о своем решении. Демонстрация очередного стимула запускалась экспериментатором после фиксации ответа испытуемого (через 100 мс).

Регистрация ЭЭГ

Регистрация ЭЭГ осуществлялась с помощью энцефалографа в 128 монополярных отведениях с использованием шлема с комплектом съемных Ag-Cl электродов MCScar-AC128. Электроды располагались по системе «10-5». Оцифровывание ЭЭГ осуществлялось с частотой 1000 Гц.

Методы обработки результатов

Конвертация меток событий (момент предъявления стимулов) выполнялась в программе EDFBrowser (разработчик – Teunis van Beelen). Для дальнейшей обработки использовались отрезки ЭЭГ, включающие 200 мс перед подачей стимула и 500 мс после начала предъявления.

Записи ЭЭГ сортировались в соответствии с ответами испытуемых относительно эмоциональной валентности стимулов. В результате было сформировано 6 наборов записей: правильные и неправильные реакции на нейтральные, позитивные и негативные сцены. После выбора безартефактных записей они усреднялись в пределах каждого сформированного набора с целью выделения вызванных потенциалов (ВП). В результате для каждого испытуемого в каждом из 128 отведений было получено по 6 ССП: верно идентифицированные нейтральные, позитивные и негативные сцены; неверно идентифицированные нейтральные, позитивные и негативные сцены.

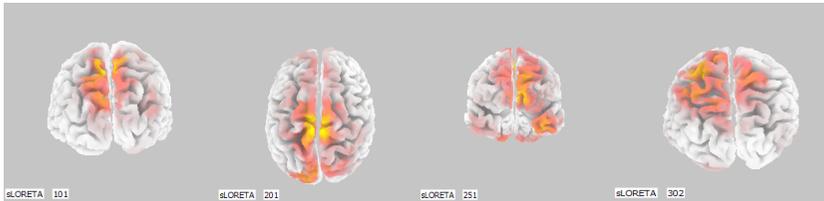
Для усреднения полученных ССП по всей выборке (grand average), построения карт распределения потенциалов и сравнения реакций применялись средства пакета программ EEGLAB для вычислительной среды Matlab. Локализация фокусов корковой активности определялась с помощью программы sLORETA и пакета программ EEGLAB для вычислительной среды Matlab.

Результаты

Динамика восприятия сцен

На основе полученных данных и их первичной обработки удалось установить и визуализировать динамику активности мозга в момент восприятия и идентификации стимула.

Первоначально наибольшая активация мозговых биотоков в процессе восприятия негативных сцен (рис. 1) наблюдается в верхней теменной (предклинье) и теменно-затылочной области, что, вероятно, связано с процессами зрительной обработки информации и активацией рабочей памяти, в механизмах работы которой участвует теменная область.

Рисунок 1.*Динамика восприятия негативных сцен*

Описанная динамика ранних этапов обработки идентична для всех изображений, независимо от их эмоциональной валентности.

На более поздних этапах наблюдаются специфические зоны активации для негативных, нейтральных и позитивных сцен (рис. 1; рис. 2; рис. 3): для негативных сцен фокус активности смещается в переднелобные и височные отделы, при этом сохраняется остаточная активация в затылке, далее смещается в верхнелобные участки коры; для нейтральных сцен наибольшая активация приходится в височные области обоих полушарий, где сохраняется на достаточно большой промежуток времени; для позитивных сцен зона наибольшей активации смещается в верхнелобные отделы, при этом наблюдается активация левых затылочных участка под левозатылочными отведениями, далее локализация фокуса активности смещается в левый висок. Такая специфическая активация, судя по всему, связана с оценкой характеристик изображения и процессом выбора соответствующего ответа.

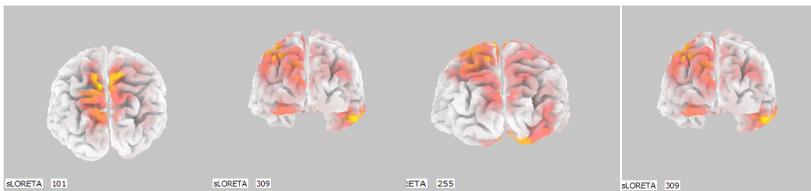
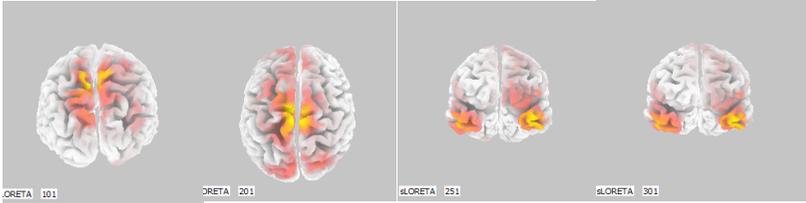
Рисунок 2.*Динамика восприятия позитивных сцен*

Рисунок 3.

Динамика восприятия нейтральных сцен.

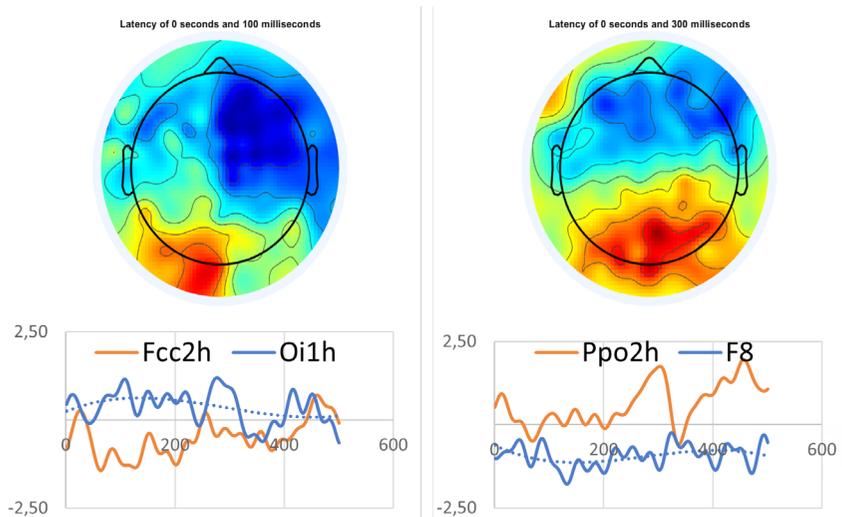
В целом, локализация очагов активации в процессе восприятия сценических изображений согласуется с литературными данными (Ермаков и др., 2017).

D-волна

Полученные в ходе проведенного исследования данные были преобразованы в разностные волны (d-волны) путем вычитания полученных ВП на неправильные ответы из ВП на правильные ответы для негативных, нейтральных и позитивных сцен. Данная процедура была выполнена с опорой на опыт предыдущего исследования, проведенного на лицах различной экспрессии.

Рисунок 4.

Пики d-волны. Негативные сцены

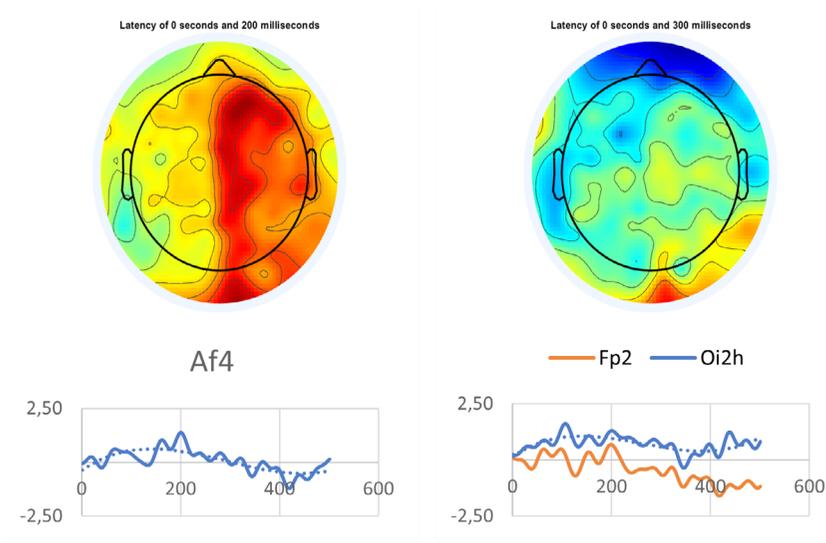

Анализ полученных d-волн и их визуализация, позволили установить, что пиковые значения рассогласования, а также области их возникновения отличаются для всех видов эмоциональной валентности. Так, например, в случае с негативными сценами (рис. 4) наибольшее рассогласование достигается в левых затылочных и правых лобных областях, однако стоит отметить, что само по себе рассогласование наблюдается в достаточно обширном временном окне 100–500 мс и имеет несколько очагов активности с идентичной латентностью.

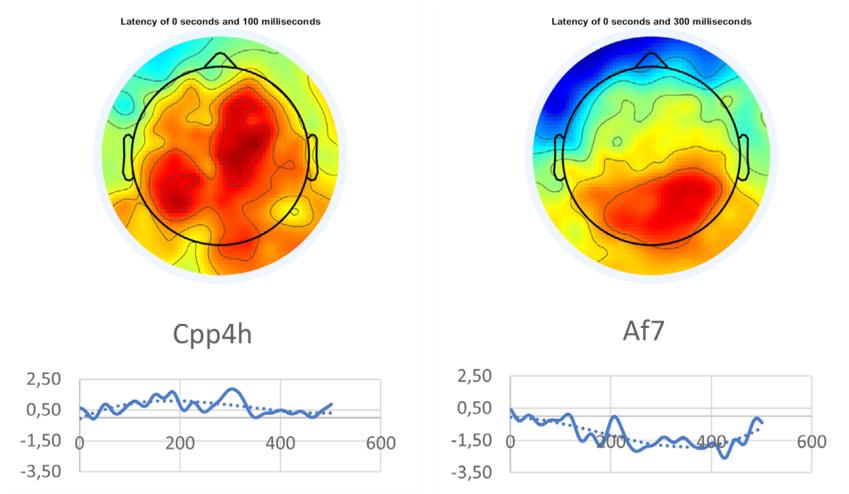
В случае с нейтральными сценами (рис. 5) локализация пиковых значений рассогласования наблюдается в левых затылочных и правых лобных отведениях, фокусов активности с равной латентностью также наблюдается несколько, как и в случае с негативными сценами. При этом стоит отметить, что в области лобных отведений с увеличением латентности рассогласования меняется полярность мозговых биотоков, что вызывает особый интерес.

Рисунок 5.

Пики d-волны. Нейтральные сцены.

D-волна, полученная в случае позитивных сцен (рис. 6) также имеет свою специфику. Локализация пиковых значений рассогласования связана с лобными и затылочными областями. Примечательно то, что фокус активности в правых лобных отведениях имеет положительную полярность и расположен ближе к префронтальным отделам, в то время как очаг в левополушарных отведениях смещен в область переднего лба и имеет отрицательную полярность.

Рисунок 6.*Пики d-волны. Позитивные сцены.*

В целом, рассогласование в случаях нейтральных и позитивных сцен также наблюдается приблизительно в интервале от 100 до 500 мс, как и в случае с негативными сценами. Это, в свою очередь может быть связано с обработкой тех различных характеристик фотографических изображений и с совершаемой ошибкой на различных этапах, которые соответствуют тем или иным общепринятым компонентам ВП (например, N170 - связанного с эмоциональной валентностью стимула; P300 – наблюдаемого в ходе принятия решения и т.д.).

Обсуждение результатов

Наш интерес к возникающему рассогласованию связан с тем, что, судя по всему, оно так или иначе связано с совершаемой или совершенной ошибкой. В литературных данных встречается большое количество различных рассогласований, которые также связаны с разного рода ошибками, однако при этом экспериментальная задача зачастую разная.

Например, визуальная негативность несоответствия (vMMN, visual Mismatch Negativity). Данный компонент ССП возникает преимущественно в задней части головы (затылочно-височной области) во временном окне 100-400 мс после начала визуальной стимуляции и отображает процесс автоматической обработки изменяющейся информации в окружающей среде (Astikainen & Hietanen, 2009; Stefanics et al.,

2012; Kimura & Takeda, 2013). По сути, данный компонент также отображает своего рода совершаемую человеком ошибку, поскольку предполагается, что в основе возникновения данного компонента лежат механизмы прогнозирующего кодирования (Garrido et al., 2008). Это означает, что vMMN является маркером столкновения человека с ошибкой в его ментальной модели явления, требующей коррекции. Важно отметить, что на характеристики данного компонента оказывает влияние достаточно большое количество переменных: характеристики внимания (Kimura & Takeda, 2013; Petro et al., 2023); эмоциональная валентность стимула (Zhao & Li, 2006; Astikainen & Hietanen, 2009; Stefanics et al., 2012; Kovarski et al., 2017); гендерные различия испытуемых (Yang et al., 2014); уровень интеллекта (Liu et al., 2015; Hilger & Euler, 2023) и т.д.

Также, примером рассогласования, связанного с ошибкой, служит эффект N400 (Kiefer, 2002; Balconi & Caldrioli, 2011; Zhang et al., 2023). Сам по себе компонент N400 чувствителен к семантическим и контекстуальным изменениям в ходе решения различных когнитивных задач. Один из основных способов получения данного эффекта – предъявление испытуемому предложения с семантически неконгруэнтным словом. Таким образом амплитуда компонента N400 увеличивается по сравнению с аналогичным предложением, где семантическое значение слова является конгруэнтным относительно смысла предложения. Похожий эффект – арифметический эффект N400 – также регистрируется при решении арифметических задач (Cardenas et al., 2021). Эффект N400, судя по всему, также отражает совершаемую человеком ошибку относительно своих собственных ожиданий.

Возникает вопрос о том, является ли механизм возникновения рассогласования, связанных с ошибкой, общим или существует определенная специфичность. Полученные нами данные о возникающем рассогласовании имеют схожие черты с описанными в литературе vMMN и эффектом N400. Однако для того, чтобы делать вывод о единстве природы наших результатов с уже известными, требуются дальнейшие разработка и проведение исследования.

Заключение

По результатам проведенного эксперимента и анализа полученных данных, можно сделать несколько выводов:

- Обнаружены отличия в ССП в случае правильной и ошибочной идентификации эмоционально-окрашенных сцен.
- Расхождения ССП возникают во временных окнах от 100 до 500 мс и отличаются для различных эмоциональных валентностей по времени и величине.
- Обнаруженные отличия ССП связаны с активностью областей, задействованных в анализе зрительных сцен.

Литература

- Ермаков, П. Н., Воробьева, Е. В., Ковш, Е. М., Столетний, А. С. (2017). Особенности вызванной активности мозга при анализе изображений эмоционального характера у носителей полиморфных вариантов генов BDNF и HTR2A. *Экспериментальная психология*, 10(3), 65–85.
- Пономарев, В. А. (2016). *Скрытые источники электроэнцефалограммы и связанных с событиями потенциалов и их значение* (Диссертация). Институт мозга человека им. Н.П. Бехтерева РАН.
- Astikainen, P., & Hietanen, J. K. (2009). Event-related potentials to task-irrelevant changes in facial expressions. *Behavioral and Brain Functions*, 5, 1–9. doi: <https://doi.org/10.1186/1744-9081-5-30>

- Balconi, M., & Caldironi, C. (2011). Semantic violation effect on object-related action comprehension. N400-like event-related potentials for unusual and incorrect use. *Neuroscience*, 197, 191–199. doi: <https://doi.org/10.1016/j.neuroscience.2011.09.026>
- Cardenas, S. Y., Silva-Pereyra, J., Prieto-Corona, B., Castro-Chavira, S. A., & Fernandez, T. (2021). Arithmetic processing in children with dyscalculia: an event-related potential study. *PeerJ*, 9, e10489. doi: <https://doi.org/10.7717/peerj.10489>
- Garrido, M. I., Friston, K. J., Kiebel, S. J., Stephan, K. E., Baldeweg, T., & Kilner, J. M. (2008). The functional anatomy of the MMN: a DCM study of the roving paradigm. *Neuroimage*, 42(2), 936–944. doi: <https://doi.org/10.1016/j.neuroimage.2008.05.018>
- Hilger, K., & Euler, M. J. (2023). Intelligence and Visual Mismatch Negativity: Is Pre-Attentive Visual Discrimination Related to General Cognitive Ability?. *Journal of Cognitive Neuroscience*, 35(2), 331–347. doi: <https://doi.org/10.1101/2022.03.01.482097>
- Kiefer, M. (2002). The N400 is modulated by unconsciously perceived masked words: Further evidence for an automatic spreading activation account of N400 priming effects. *Cognitive brain research*, 13(1), 27–39. doi: [https://doi.org/10.1016/S0926-6410\(01\)00085-4](https://doi.org/10.1016/S0926-6410(01)00085-4)
- Kimura, M., & Takeda, Y. (2013). Task difficulty affects the predictive process indexed by visual mismatch negativity. *Frontiers in human neuroscience*, 7, 267. doi: <https://doi.org/10.3389/fnhum.2013.00267>
- Liu, T., Xiao, T., Li, X., & Shi, J. (2015). Fluid intelligence and automatic neural processes in facial expression perception: an event-related potential study. *Plos one*, 10(9), e0138199. doi: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0138199>
- Norcia, A.M., Appelbaum, L.G., Ales, J.M., Cottareau, B.R., & Rossion, B. (2015). The steady-state visual evoked potential in vision research: A review. *Journal of vision*, 15(6), 4. doi: <https://doi.org/10.1167/15.6.4>
- Petro, B., Gaál, Z. A., Kojouharova, P., & Czigler, I. (2023). The role of attention control in visual mismatch negativity (vMMN) studies. *Experimental Brain Research*, 241(12), 1–8. doi: <https://doi.org/10.1007/s00221-023-06573-1>
- Stefanics, G., Csukly, G., Komlósi, S., Czobor, P., & Czigler, I. (2012). Processing of unattended facial emotions: a visual mismatch negativity study. *Neuroimage*, 59(3), 3042–3049. doi: <https://doi.org/10.1016/j.neuroimage.2011.10.041>
- Yang, X., Yu, Y., Chen, L., Sun, H., Qiao, Z., Qiu, X., ... & Yang, Y. (2016). Gender differences in pre-attentive change detection for visual but not auditory stimuli. *Clinical neurophysiology: official journal of the International Federation of Clinical Neurophysiology*, 127(1), 431–441. doi: <https://doi.org/10.1016/j.clinph.2015.05.013>
- Zhang, W., Dong, J., Duan, X., Zhang, Y., Gao, X., Zhen, A., ... & Yan, H. (2023). Prediction of semantic features is modulated by global prediction reliability: Evidence from the N400 effect. *Journal of Neurolinguistics*, 65, 101–109.
- Zhao, L., & Li, J. (2006). Visual mismatch negativity elicited by facial expressions under non-attentional condition. *Neuroscience letters*, 410(2), 126–131. doi: <https://doi.org/10.1016/j.neulet.2006.09.081>

References

- Ermakov, P. N., Vorobyova, E. V., Kovsh, E. M., Centenary, A. S. (2017). Features of evoked brain activity in the analysis of emotionogenic images in carriers of polymorphic variants of the BDNF and HTR2A genes. *Experimental Psychology*, 10(3), 65-85.
- Ponomarev, V. A. (2016). *Hidden sources of electroencephalogram and event-related potentials and their significance* (Doctoral Dissertation). Institute N.P. Bekhtereva of the Human Brain of the Russian Academy of Sciences.
- Astikainen, P., & Hietanen, J. K. (2009). Event-related potentials to task-irrelevant changes in facial expressions. *Behavioral and Brain Functions*, 5, 1–9. doi: <https://doi.org/10.1186/1744-9081-5-30>

- Balconi, M., & Caldirelli, C. (2011). Semantic violation effect on object-related action comprehension. N400-like event-related potentials for unusual and incorrect use. *Neuroscience*, 197, 191–199. doi: <https://doi.org/10.1016/j.neuroscience.2011.09.026>
- Cardenas, S. Y., Silva-Pereyra, J., Prieto-Corona, B., Castro-Chavira, S. A., & Fernandez, T. (2021). Arithmetic processing in children with dyscalculia: an event-related potential study. *PeerJ*, 9, e10489. doi: <https://doi.org/10.7717/peerj.10489>
- Garrido, M. I., Friston, K. J., Kiebel, S. J., Stephan, K. E., Baldeweg, T., & Kilner, J. M. (2008). The functional anatomy of the MMN: a DCM study of the roving paradigm. *Neuroimage*, 42(2), 936–944. doi: <https://doi.org/10.1016/j.neuroimage.2008.05.018>
- Hilger, K., & Euler, M. J. (2023). Intelligence and Visual Mismatch Negativity: Is Pre-Attentive Visual Discrimination Related to General Cognitive Ability?. *Journal of Cognitive Neuroscience*, 35(2), 331–347. doi: <https://doi.org/10.1101/2022.03.01.482097>
- Kiefer, M. (2002). The N400 is modulated by unconsciously perceived masked words: Further evidence for an automatic spreading activation account of N400 priming effects. *Cognitive brain research*, 13(1), 27–39. doi: [https://doi.org/10.1016/S0926-6410\(01\)00085-4](https://doi.org/10.1016/S0926-6410(01)00085-4)
- Kimura, M., & Takeda, Y. (2013). Task difficulty affects the predictive process indexed by visual mismatch negativity. *Frontiers in human neuroscience*, 7, 267. doi: <https://doi.org/10.3389/fnhum.2013.00267>
- Liu, T., Xiao, T., Li, X., & Shi, J. (2015). Fluid intelligence and automatic neural processes in facial expression perception: an event-related potential study. *Plos one*, 10(9), e0138199. doi: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0138199>
- Norcia, A.M., Appelbaum, L.G., Ales, J.M., Cottureau, B.R., & Rossion, B. (2015). The steady-state visual evoked potential in vision research: A review. *Journal of vision*, 15(6), 4. doi: <https://doi.org/10.1167/15.6.4>
- Petro, B., Gaál, Z. A., Kojouharova, P., & Czigler, I. (2023). The role of attention control in visual mismatch negativity (vMMN) studies. *Experimental Brain Research*, 241(12), 1–8. doi: <https://doi.org/10.1007/s00221-023-06573-1>
- Stefanics, G., Csukly, G., Komlósi, S., Czobor, P., & Czigler, I. (2012). Processing of unattended facial emotions: a visual mismatch negativity study. *Neuroimage*, 59(3), 3042–3049. doi: <https://doi.org/10.1016/j.neuroimage.2011.10.041>
- Yang, X., Yu, Y., Chen, L., Sun, H., Qiao, Z., Qiu, X., ... & Yang, Y. (2016). Gender differences in pre-attentive change detection for visual but not auditory stimuli. *Clinical neurophysiology: official journal of the International Federation of Clinical Neurophysiology*, 127(1), 431–441. doi: <https://doi.org/10.1016/j.clinph.2015.05.013>
- Zhang, W., Dong, J., Duan, X., Zhang, Y., Gao, X., Zhen, A., ... & Yan, H. (2023). Prediction of semantic features is modulated by global prediction reliability: Evidence from the N400 effect. *Journal of Neurolinguistics*, 65, 101–109.
- Zhao, L., & Li, J. (2006). Visual mismatch negativity elicited by facial expressions under non-attentional condition. *Neuroscience letters*, 410(2), 126–131. doi: <https://doi.org/10.1016/j.neulet.2006.09.081>

Информация о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов